

Новые формы мошенничества в сфере цифровых финансовых активов: психологическое принуждение, поддельная инфраструктура, роль мессенджерных сетей и пределы возврата похищенных средств

Автор: Василий К.Исаул

Дата: 09.05.2026

Содержание

Кому адресована статья

Аннотация

Введение

Современные типы мошенничества: от грубого обмана к управляемому вовлечению

Психологическая обработка жертвы: не мистическое «перепрограммирование», а управляемое разрушение критического мышления

Ложная инфраструктура: фиктивные сайты бирж, поддельные личные кабинеты и имитация торговой среды

Мессенджерные сети как среда ускоренного вовлечения: особая роль ТЕЛЕГРАМа

Социальная инженерия в элитной оболочке: офисы, охрана, публичные выступления и культ респектабельности

Почему жертвами становятся обеспеченные и внешне рациональные люди

Выход из деструктивных групп и цепей манипуляции

Почему возврат средств чаще всего не работает на практике

Ограниченность правовой защиты и институциональные пробелы

Профилактика: что должно стать предметом общественной и научной дискуссии

Заключение

Кому адресована статья

Представленная статья адресована не массовому читателю, а прежде всего государственным структурам, в компетенцию которых входят обеспечение общественной, государственной и информационной безопасности, предупреждение и пресечение преступности, а также аналитическое сопровождение угроз в цифровой среде.

По своему содержанию материал носит **криминологический, правоохранный, профилактический и частично контрразведывательный характер**. Он рассматривает не отдельные эпизоды цифрового мошенничества, а мессенджерную среду как инфраструктуру вовлечения в противоправные практики, включая мошенничество, незаконное посредничество, теневые финансовые схемы, вербовочные механизмы и нормализацию криминального спроса.

В первую очередь статья предназначена для правоохранительных органов, органов государственной и национальной безопасности, а также регуляторов и органов государственного управления в цифровой сфере. Речь идет о структурах, осуществляющих противодействие организованной преступности, цифровому мошенничеству, сетевым угрозам, незаконному обороту информации и иным формам противоправной активности в платформенных и мессенджерных экосистемах.

Во вторую очередь материал может представлять интерес для советов безопасности и межведомственных координационных органов, финансовой разведки и органов финансового мониторинга, судебно-экспертного и научного сообщества, законодателей и разработчиков нормативных актов, а также для образовательных и профилактических структур, работающих в сфере молодежной политики, цифровой безопасности и предупреждения деструктивного вовлечения.

Ориентация статьи именно на эти категории адресатов обусловлена тем, что в центре внимания находятся **мессенджеры как среда криминального вовлечения**, инфраструктурный, а не эпизодический характер угроз, механизмы анонимизации, маршрутизации, псевдорепутации и психологического воздействия, а также риски для общественной безопасности и правопорядка. Существенное значение при этом придается необходимости **системного государственного реагирования**, межведомственной координации, цифровой аналитики и профилактики.

Если определять **основного целевого адресата**, то статья в наибольшей степени предназначена для руководства и аналитических подразделений правоохранительных органов и органов государственной безопасности, занимающихся противодействием организованной преступности, цифровой криминалистикой, мониторингом сетевых угроз,

противодействием мошенничеству и предупреждением вовлечения граждан в криминальные цифровые экосистемы.

Формулировка для официального использования:

Статья адресована прежде всего руководителям и аналитическим подразделениям правоохранительных органов, органов государственной безопасности и профильных органов государственного управления, осуществляющих противодействие цифровой преступности, организованным криминальным сетям, мошенническим схемам, а также выработку мер по обеспечению общественной и информационной безопасности в мессенджерных и платформенных средах.

Аннотация

В последние годы мошенничество в сфере цифровых финансовых активов приобрело качественно новый характер. Если ранее преобладали грубые и примитивные способы хищения, рассчитанные на доверчивость и техническую неграмотность, то в настоящее время все чаще наблюдаются **длительные, многоступенчатые, психологически выверенные схемы**, в которых жертва не просто обманывается, а последовательно вводится в состояние ложной уверенности, эмоциональной зависимости и утраты критичности. Особую опасность представляет соединение трех факторов: **псевдофинансовой легенды, социальной инженерии и поддельной цифровой среды**, имитирующей законную биржевую, обменную или инвестиционную деятельность.

Отдельного рассмотрения заслуживает роль крупных мессенджерных площадок, где возникла среда, сочетающая анонимность, стремительное распространение рекламы, сетевое вовлечение, закрытые группы, слабую прослеживаемость цепочек влияния и чрезвычайную скорость перемещения потенциальных жертв между каналами, посредниками и конечными исполнителями преступления. На этом фоне особенно заметным стало распространение мошеннических схем, прикрывающихся разговорами о **стейкинге, арбитраже, доверительном управлении, автоматическом заработке, коллективной торговле** и иных формах якобы профессионального извлечения прибыли.

Настоящая статья рассматривает **новые типы мошенничества, механизмы психологической обработки, устройство фиктивных биржевых площадок, роль мессенджерной среды, способы выхода из деструктивного вовлечения**, а также **практические пределы возврата средств**, который в реальности оказывается крайне затрудненным и в большинстве случаев не дает потерпевшему ожидаемого результата.

Введение

Утверждение о том, что мошенничество в области цифровых активов участилось, уже не нуждается в доказательстве. Однако простого признания роста недостаточно. **Изменился не только масштаб, но и сама природа преступного воздействия.** Современный мошенник все реже выглядит как случайный интернет-авантюрист. Напротив, он предстает в облике уверенного, внешне благополучного, дисциплинированного участника деловой среды. Он может выступать на публичных мероприятиях, появляться в деловых пространствах, говорить языком финансовой аналитики, демонстрировать офис, помощников, отчеты, положительные отзывы и даже видимость правового сопровождения. Перед нами уже не разрозненный обман, а **целая индустрия имитации законности.**

Особенно тревожит то обстоятельство, что жертвами таких схем становятся не только люди с низкой осведомленностью, но и лица с образованием, профессиональным опытом, устойчивым доходом и, на первый взгляд, достаточным уровнем рациональности. Причина в том, что преступное воздействие направлено не на невежество как таковое, а на **уязвимости человеческой психики:** стремление к контролю над будущим, желание восстановить утраченные возможности, страх упустить доход, жажду признания собственной дальновидности, доверие к статусным сигналам и постепенное смещение границ допустимого.

Сегодня преступная сеть нередко устроена по принципу разделения труда. Одни лица формируют поток потенциальных жертв через рекламу и псевдоэкспертные каналы. Другие занимаются первичной беседой, выявляют уровень достатка, эмоциональный профиль, семейные обстоятельства, финансовые ожидания и степень внушаемости. Третьи подключаются как «аналитики», «наставники», «управляющие», «сотрудники биржи», «служба безопасности», «юристы по возврату», «кураторы по разблокировке». В результате потерпевший оказывается не в разговоре с одним человеком, а внутри **срежиссированной социальной среды**, где каждый участник играет роль в общей постановке.

Именно поэтому разговор о новых схемах мошенничества должен вестись не как о перечне частных уловок, а как о **системе организованного психологического и финансового захвата.**

Современные типы мошенничества: от грубого обмана к управляемому вовлечению

Наиболее заметной чертой последних лет стало смещение от одномоментного хищения к **длительной модели сопровождения жертвы.** Потерпевшего больше не всегда пытаются обокрасть в первую минуту. Его могут вести неделями и даже месяцами, создавая иллюзию роста доверия,

взаимной выгоды и совместной цели. Эта отсрочка необходима преступнику для главного: не просто получить доступ к средствам, а сделать так, чтобы сам потерпевший начал **защищать мошенника от сомнений**, рационализировать происходящее и отвергать предупреждения близких.

Широко распространены схемы, в которых человеку предлагают безопасный вход «с малой суммой», затем демонстрируют на поддельной странице мнимую прибыль, после чего убеждают увеличить вложения. Преступники понимают фундаментальный закон поведения жертвы: **человек охотнее несет больше денег туда, где уже якобы увидел первый успех**. При этом первые «результаты» могут быть полностью нарисованы в личном кабинете, не имея никакого отношения к реальному движению средств на настоящем рынке.

Другой разновидностью является схема с **ложной технической операцией**, когда потерпевшего просят совершить действие на своем счете, в кошельке или в приложении, не раскрывая его истинного смысла. Ему объясняют, что это «подтверждение», «синхронизация», «привязка», «настройка защиты», «перемещение ликвидности», «открытие торгового маршрута», «подключение стратегии». На деле именно в этот момент происходит либо передача доступа, либо утверждение вредоносной операции, либо отправка средств по невозвратному адресу, либо подключение права на распоряжение активами третьим лицом.

Особенно циничны схемы, основанные на **поэтапном втягивании в ложную профессиональную иерархию**. Сначала с жертвой разговаривает «помощник». Затем появляется «ведущий аналитик». После - «старший специалист по сопровождению крупных клиентов». Позднее подключается «риск-отдел», «служба безопасности» и «финансовый куратор». Каждая новая фигура усиливает внушение: если столько людей вовлечено, если они отвечают быстро и согласованно, значит, организация реальна. Так преступная группа превращает собственную массовость в орудие доверия.

Наконец, отдельную линию образуют схемы, в которых хищение вообще маскируется не под обман, а под **неудачу в сложной финансовой операции**. Потерпевшему говорят, что средства не украдены, а «заморожены», «временно удержаны», «переведены в резерв обеспечения», «подпали под проверку происхождения», «заблокированы из-за риска», «требуют встречного платежа» или «ожидают разблокировки после уплаты комиссии». Так обман продолжается после первого хищения: из уже травмированного человека пытаются извлечь еще больше средств, заставляя его «спасать» якобы зависшие активы.

Психологическая обработка жертвы: не мистическое «перепрограммирование», а управляемое разрушение критического мышления

Мы говорим о последовательном изменении режима восприятия, оценки риска и принятия решений под воздействием стресса, ожидания награды, социальной зависимости и информационной изоляции. Мошенники не создают новый мозг; они искусно используют уже существующие свойства нервной системы и поведения.

Воздействие, о котором идет речь, строится не на единичном обманном сообщении и не на простой передаче ложных сведений, а на тщательно организованной последовательности аффективных состояний, которая постепенно подчиняет себе волю человека, расшатывает его критическую способность и переводит поведение из области рассудочного решения в область управляемой реакции. В обиходной речи подобный механизм нередко передают упрощенной формулой «дофамин - кортизол - дофамин», однако в научно-аналитическом изложении необходимо подчеркнуть, что речь должна идти не о буквальном лабораторном измерении нейрохимических показателей у каждого конкретного потерпевшего, а о целостном психофизиологическом цикле подкрепления. Его сущность состоит в следующем: сначала человеку предъявляется образ желанного приобретения, вызывающий надежду, внутренний подъем и ожидание скорой выгоды; затем в эту картину намеренно встраивается препятствие, риск, угроза или дефицит времени, что порождает тревогу, напряжение и страх утраты; после этого субъекту вновь предлагается перспектива избавления и вознаграждения, в результате чего надежда вспыхивает с новой силой. Именно такое чередование и образует замкнутый круг, в котором личность оказывается все менее способной к независимой оценке происходящего. Здесь совершается главное: человек перестает мыслить в категориях истины и лжи, вероятности и доказательства, выгоды и убытка в их реальном содержании; он начинает мыслить в категориях эмоционального спасения, немедленного облегчения и возвращения к обещанному благополучию.

Принципиально важно, что данное воздействие не сводится к простой жадности жертвы, как это иногда поверхностно утверждается в публицистике низкого уровня. Перед нами гораздо более серьезное и более тревожное явление: целенаправленное использование фундаментальных свойств человеческой психики. Человек по своей природе склонен отвечать на обещание редкой удачи внутренней мобилизацией; он настораживается перед угрозой потери; он ищет облегчения, когда напряжение становится мучительным. Эти реакции нормальны. Патологичным является не наличие таких реакций, а тот факт, что ими искусно манипулируют, выстраивая из них последовательный инструмент подавления критического суждения.

Там, где субъект полагает, что принимает свободное решение, на деле уже действует навязанная логика эмоционального маятника.

На первоначальном этапе человеку предлагают не просто выгодное предложение, а особый образ собственной исключительности. Это обстоятельство заслуживает самого пристального внимания, поскольку именно здесь закладывается фундамент будущей зависимости от навязанного сценария. Потерпевшему внушается, что он оказался не в числе обычных адресатов массового воздействия, а среди немногих, кому открыта особая возможность, закрытая для большинства. Ему могут сообщать о привилегированном доступе к сведениям, о раннем уведомлении, о допуске к ограниченной операции, о доверительном канале получения прибыли, о редком шансе, которым обладают лишь избранные участники. Внешне подобные сообщения могут быть оформлены по-разному, но их смысл един: человек должен пережить не просто интерес, а чувство выделенности. **Именно чувство избранности** становится первым ударом по критической бдительности.

Психологическое значение этого приема исключительно велико. Ощущение привилегированного положения действует на сознание как мощный катализатор доверия. Там, где обычная ситуация требовала бы осторожности, проверки источника, сопоставления фактов и консультации с независимым специалистом, возникает иная внутренняя реплика: не «меня могут обмануть», а «мне необычайно повезло, что я оказался среди первых». Это смещение кажется незначительным лишь на первый взгляд. В действительности именно оно переводит человека из режима обороны в режим вовлеченности. Он уже не охраняет свои границы, а стремится не упустить то, что представлено как редкая возможность. Более того, представление о собственной допущенности к закрытому знанию нередко подпитывает самолюбие. Потерпевший начинает воспринимать участие в схеме как подтверждение собственной проницательности, дальновидности или особого статуса. Здесь затрагивается не только корыстное ожидание, но и более тонкие струны - потребность в признании, стремление ощущать себя незаурядным, желание быть не объектом внешних сил, а посвященным участником значимого процесса. И в этом заключается одна из самых мрачных сторон рассматриваемого воздействия: оно использует против человека не только его слабости, но и его законное стремление к достоинству.

На данной стадии обманщики нередко избегают грубого нажима. Напротив, они действуют с подчеркнутой сдержанностью, как бы предоставляя адресату возможность самому прийти к выгодному выводу. Такая мнимая ненавязчивость имеет глубокий расчет. Когда решение представляется человеку собственным открытием, оно укореняется значительно прочнее, чем в случае прямого навязывания. Жертва начинает воспринимать последующие действия как продолжение своей инициативы, а не как

подчинение чужой воле. Так формируется субъективная иллюзия автономии, при которой степень внешнего управления лишь возрастает. **Иллюзия самостоятельного выбора** становится одним из ключевых условий дальнейшего подчинения.

Следующий этап заключается во введении тревоги, однако тревоги строго дозированной. Это не хаотическое запугивание и не открытый террор, а тонко рассчитанное напряжение, достаточное для сужения мышления, но еще не настолько сильное, чтобы полностью разрушить взаимодействие и вызвать немедленный уход. Именно мера тревожного воздействия здесь имеет решающее значение. Если человек не почувствует опасности, он может отложить решение, начать проверку, обсудить ситуацию с другими лицами, обратиться к документам и тем самым разрушить искусственно созданную атмосферу исключительности. Если же давление окажется чрезмерным, он может отшатнуться, прервать связь, заподозрить преступный замысел и выйти из-под влияния. Поэтому тревога вводится как будто постепенно, с сохранением видимости рационального объяснения. Сообщается о временном окне возможностей, о внезапном изменении условий, о необходимости срочно подтвердить действие, о риске утраты уже почти полученной выгоды, о блокировке средств, о дополнительной проверке, о вероятной потере из-за промедления. Каждое из этих сообщений на первый взгляд может выглядеть правдоподобно, особенно если оно сопровождается деловой лексикой, ссылкой на правила, видимостью порядка и процедур.

Здесь необходимо подчеркнуть, что тревога в подобных случаях действует не только как эмоциональное потрясение, но и как инструмент изменения самой структуры мышления. Под влиянием напряжения поле внимания сужается. Человек перестает полноценно удерживать в сознании все элементы ситуации и начинает сосредотачиваться на ближайшем раздражителе, который требует немедленного ответа. Уменьшается способность сопоставлять сведения в длительной временной перспективе: важным становится не то, насколько правдоподобна вся схема в целом, а то, как скорее снять текущее беспокойство. Ослабляется склонность к независимой проверке, поскольку вся внутренняя энергия направляется на преодоление острого дискомфорта. Возникает своеобразная психическая воронка: чем сильнее тревога, тем уже горизонт рассуждения; чем уже горизонт рассуждения, тем выше вероятность импульсивного действия; чем более импульсивно это действие, тем глубже вовлечение в навязанный сценарий.

Ключевым следствием тревоги становится подмена цели поведения. До включения напряжения человек потенциально мог бы стремиться к установлению истины: проверить источник, понять юридическую и фактическую сторону дела, установить, существуют ли реальные основания для доверия. После включения тревоги его цель меняется. Он уже стремится

не столько узнать истину, сколько избавиться от мучительной неопределенности. Это радикальный перелом. Именно он объясняет, почему потерпевшие нередко совершают поступки, которые в спокойном состоянии показались бы им невероятными. Они действуют не потому, что внезапно становятся менее разумными в общем смысле слова, а потому, что их разум принудительно переводится в режим срочного аффективного реагирования. Иначе говоря, мошенническое воздействие не устраняет интеллект как таковой; оно перенастраивает его, заставляя служить не поиску реальности, а поиску немедленного облегчения.

Особого внимания заслуживает и то обстоятельство, что тревога почти всегда связывается с уже обещанной выгодой. Человеку внушают не отвлеченную опасность, а опасность утраты того, что он уже внутренне признал почти своим. Психологически это чрезвычайно важно. Потеря гипотетического будущего переживается значительно сильнее, когда это будущее уже было эмоционально присвоено. Если субъект успел вообразить прибыль, представить ее использование, связать с нею свои планы и надежды, то угроза исчезновения этой прибыли воспринимается как отнятие почти реального блага. Отсюда рождается лихорадочная готовность платить, подтверждать, переводить, соглашаться, лишь бы не утратить уже мысленно присвоенное. Так воображаемое превращается в психологически действительное, а затем это действительное используется как рычаг давления.

На третьем этапе возникает обещание скорого разрешения кризиса и получения результата. После искусственно созданного напряжения человеку предлагают не окончательное исполнение обещанного, а перспективу его неминуемого достижения при условии еще одного действия, еще одной формальности, еще одного подтверждения, еще одного платежа, еще одного этапа. Именно здесь и проявляется один из наиболее устойчивых механизмов зависимого поведения - перемежающееся подкрепление. Награда то приближается, то отдалается; то показывается в символическом виде, то откладывается под новым предлогом; то кажется почти полученной, то вновь заслоняется препятствием. В этой логике и заключена глубинная ловушка. **Непредсказуемость успеха** нередко связывает человека прочнее, чем гарантированный и ровный результат. Постоянное вознаграждение насыщает и успокаивает; переменное вознаграждение возбуждает, приковывает и истощает.

Следует особенно подчеркнуть, что на данном этапе человеку часто предъявляют знаки мнимого продвижения: уведомления о завершении процедуры, сообщения о зачислении, указания на готовность средств к выдаче, подтверждения успешного прохождения промежуточной стадии. Все это играет роль не реального результата, а его инсценировки. Потерпевшему не дают само благо, но дают его образ, его тень, его обещание, его преддверие. Так поддерживается мучительное состояние «почти».

Аффективная сила этого состояния колоссальна. Когда человеку кажется, что желаемое находится в одном шаге, он переносит новые требования значительно охотнее, чем в начале пути. Он рассуждает не так, как следовало бы в условиях здоровой осторожности, а так, как диктует эмоциональная инерция: «после всего уже вложенного нельзя останавливаться», «остался последний барьер», «если прекратить сейчас, прежние усилия пропадут». Здесь включается не только надежда на прибыль, но и нежелание признать напрасность уже совершенных действий. Чем больше человек вложил - средств, времени, эмоциональной энергии, доверия, - тем тяжелее ему внутренне разорвать цепь. И потому каждое новое обещание «почти завершено» результата действует с нарастающей силой.

В рассматриваемом механизме особую роль играет ритм чередования надежды и страха. Если бы субъекту только обещали, но не тревожили, он со временем охладел бы и начал сомневаться. Если бы его только пугали, он либо замкнулся бы, либо порвал связь. Но чередование этих состояний производит качественно иной эффект. Надежда открывает человека воздействию; страх делает его податливым; новое обещание не просто утешает, а связывает с источником тревоги, поскольку именно этот источник теперь одновременно выглядит и причиной страдания, и единственным проводником к спасению. В этом заключается парадоксальная и страшная логика манипуляции: тот, кто создает проблему, навязывает себя же как средство ее решения. Так формируется аффективная зависимость от самого механизма насилия. Жертва начинает тянуться к очередному сообщению, к очередному указанию, к очередному обещанию облегчения, хотя именно эта последовательность и удерживает ее в плену.

С научной точки зрения важно отметить, что подобная цикличность подрывает не только отдельные решения, но и саму архитектуру субъективного контроля. Повторяющиеся колебания между возбуждением и тревогой истощают способность к устойчивому самонаблюдению, нарушают последовательность логического анализа и повышают внушаемость. Человек перестает опираться на общие правила разумной осмотрительности, потому что каждый новый эпизод представляется исключительным и срочным. Регулярное переживание эмоциональных качелей создает почву для своеобразного сужения мира: вне рамок навязанного сценария как будто ничего не остается. Близкие предупреждения, здравые доводы, явные противоречия, правовые и фактические несообразности - все это начинает тускнеть перед доминирующей внутренней задачей: наконец завершить начатое и снять изнурительное напряжение. **Именно так разрушается свобода суждения** - не одномоментным приказом, а тысячей эмоциональных толчков, каждый из которых по отдельности может казаться незначительным, но в совокупности образует систему подчинения.

Необходимо также обратить внимание на нравственно-общественное измерение данного явления. Перед нами не просто техника незаконного завладения имуществом, а форма психологического посягательства на человеческую способность к разумному самоопределению. Здесь преступный расчет направлен на то, чтобы превратить надежду в крючок, тревогу - в кнут, а обещание спасения - в повод для нового подчинения. Это глубоко антигуманная практика, потому что она обращает базовые механизмы жизненной ориентации человека против него самого. То, что в нормальной социальной жизни помогает личности стремиться к лучшему, распознавать опасность и искать выход из трудности, здесь превращается в орудие эксплуатации. Именно поэтому подобные схемы следует рассматривать не как череду случайных уловок, а как системное насилие над психикой, замаскированное под деловое общение, помощь, сопровождение или участие в выгодной операции.

В итоге описываемый цикл - **обещание вознаграждения, затем тревожное сжатие, затем новое обещание избавления и выгоды** - представляет собой одну из наиболее действенных моделей вовлечения и удержания жертвы. Его сила заключается не в грубой лжи как таковой, а в последовательном управлении внутренними состояниями человека. Сначала субъекту дают надежду, затем отнимают покой, затем возвращают надежду в обмен на послушание. И чем дольше продолжается это чередование, тем слабее становится независимое суждение и тем прочнее - эмоциональная привязка к источнику воздействия. Так рождается опасная форма подчинения, в которой человек уже не свободно оценивает происходящее, а движется от одного обещания облегчения к другому, принимая каждое новое требование как якобы последний шаг к спасению. В этом и состоит центральная трагедия подобных манипулятивных схем: они не просто обманывают человека, они перестраивают сам ход его переживаний таким образом, чтобы он начал участвовать в собственном обмане, принимая навязанную последовательность за путь к освобождению, тогда как в действительности она ведет лишь к дальнейшей зависимости, потере средств и разрушению личной автономии.

К описанным выше механизмам принуждения и вовлечения примыкает **персонализированное психологическое профилирование**, представляющее собой не случайный набор приемов, а тщательно выстроенную систему адресного воздействия на внутренние побудительные силы человека. Перед нами уже не грубый обман в его примитивной форме, а тонкая работа по извлечению из личности тех уязвимых содержаний, которые в обычной жизни скрыты даже от нее самой. Преступники не просто собирают сведения о возрасте, доходе, семейном положении или профессиональном опыте. Их подлинная задача состоит в ином: выявить, какой именно внутренний дефицит, какое скрытое напряжение, какая неотрефлексируемая тревога делают конкретного человека

восприимчивым к обещанию мнимого спасения. Именно поэтому в ходе общения они чрезвычайно внимательно выслушивают интонации, отмечают повторяющиеся формулировки, подмечают эмоциональные реакции на темы достатка, статуса, родительского долга, общественного признания, утраченных возможностей, старения, социальной неуспешности и личной вины.

Здесь необходимо подчеркнуть: **мошенническое воздействие становится особенно эффективным тогда, когда оно перестает быть безличным и начинает имитировать глубинное понимание личности.** Если человек, например, живет в устойчивом страхе перед бедностью, ему будет предложена история не о безрассудном риске, а о надежном сохранении средств, защите накопленного, разумной предусмотрительности и ответственном отношении к будущему. Если же перед преступниками человек с выраженной амбицией, болезненно переживающий собственную недореализованность, ему преподнесут совсем иную картину: не бережливость, а прорыв; не охранение, а рост; не защиту, а долгожданное доказательство собственной силы и исключительности. Тот, кого мучает чувство вины перед семьей, услышит легенду о возможности наконец-то “сделать правильно”, “обеспечить близких”, “исправить прошлые ошибки”, “дать детям то, чего сам был лишен”. Человеку, стремящемуся к самостоятельности и внутренне уставшему от зависимости от чужой оценки, внушат мысль о зрелом, суверенном решении, о праве больше никому ничего не объяснять, о финансовом действии как символе взрослости и личной субъектности.

Особого внимания заслуживает то обстоятельство, что **каждая легенда строится не вокруг самого финансового действия, а вокруг психологически значимого для жертвы смысла.** Иными словами, человеку продают не перевод средств, не вложение, не участие в схеме, а эмоционально заряженный образ самого себя. Один начинает видеть себя осторожным и мудрым хранителем капитала. Другой - человеком редкой проницательности, способным распознать уникальную ценовую разницу и воспользоваться ею раньше остальных. Третий - дисциплинированным строителем долгосрочного достатка. Четвертый - избранным участником закрытого круга, доступ к которому будто бы получают лишь самые информированные и достойные. В каждом случае перед нами один и тот же преступный замысел, но он облекается в различные идеологические формы в зависимости от того, какой образ личности наиболее желанен для конкретного адресата. Это обстоятельство исключительно важно для научного анализа, поскольку позволяет увидеть: обман действует не вопреки самолюбию человека, а через него; не через грубое подавление воли, а через лестное присоединение к ее скрытым устремлениям.

Следовательно, **персонализированное профилирование необходимо рассматривать как форму прикладного психологического насилия, при**

которой преступник временно берет на себя функцию толкователя внутренней жизни жертвы. Он как бы сообщает человеку: “Я понимаю тебя лучше других, я вижу твои истинные потребности, я знаю путь к их удовлетворению”. Именно эта узурпация роли понимающего собеседника создает первичную зависимость. Человек, особенно находящийся в состоянии затяжной тревоги, неопределенности или жизненного перелома, склонен тянуться к тому, кто предлагает не только средство, но и объяснение. И чем убедительнее это объяснение встраивается в уже существующую личную драму, тем прочнее становится доверие. В результате преступная схема начинает переживаться не как внешнее давление, а как долгожданный ответ на внутренний запрос. В этом и состоит одна из самых опасных сторон современных мошеннических практик: они паразитируют не только на неосведомленности, но и на интимнейших мотивах человеческого существования.

Не менее существенным элементом преступного воздействия выступает **разрушение внешних источников коррекции**, то есть последовательное ослабление или дискредитация тех социальных связей и институтов, которые могли бы вернуть потерпевшего к критическому восприятию происходящего. Следует говорить со всей определенностью: изоляция жертвы - не побочный эффект, а центральный инструмент удержания ее внутри внушаемой картины мира. Пока у человека сохраняется живая связь с близкими, профессиональными консультантами, банковскими специалистами, юристами, сотрудниками правоохранительных органов или просто здравомыслящими знакомыми, преступная конструкция остается уязвимой. Любой внешний голос способен задать простой, но разрушительный для схемы вопрос: где юридические гарантии, каков реальный механизм получения дохода, кому именно перечисляются средства, почему нужно спешить, почему запрещено обсуждать это с родственниками, почему обещания не подтверждаются документами? Именно поэтому мошенники стремятся перехватить не только внимание человека, но и саму систему критериев, по которой он отличает реальность от внушенной фикции.

Этот процесс нередко начинается мягко, почти незаметно, под видом дружеской заботы или экспертного предостережения. Потерпевшему внушают, что родственники “мыслят по-старому”, “боятся всего нового”, “никогда не понимали больших возможностей”. Банковские учреждения выставляются структурами, которые якобы ревниво охраняют собственную монополию на движение денежных средств и потому препятствуют любым формам “свободного” приращения капитала. Государственные органы изображаются неповоротливыми, формальными, оторванными от современной экономической действительности, неспособными разобраться в новых формах имущественных отношений. Любые критически настроенные лица заранее объявляются либо некомпетентными, либо

зависимыми, либо внутренне завистливыми. Здесь перед нами возникает поистине классическая картина деструктивного влияния: **все внешние источники проверки объявляются подозрительными, а единственным носителем истины становится группа манипуляторов.**

Особую опасность имеет то, что подобная изоляция почти никогда не подается как изоляция. Напротив, она маскируется под просвещение, посвящение и защиту от “чужого непонимания”. Жертве внушают, что ее окружение неспособно оценить происходящее в силу собственной ограниченности, консерватизма или интеллектуальной неподготовленности. Тем самым человек получает не просто запрет на обращение к внешним мнениям, а соблазнительное объяснение, почему такие обращения будто бы бессмысленны и даже вредны. Возникает замкнутый круг: чем сильнее внешние голоса возражают, тем убедительнее, по мнению потерпевшего, выглядит тезис о враждебности или некомпетентности этих голосов. Так преступники добиваются удивительного результата: **сам факт предупреждения начинает работать не против мошенничества, а в его пользу, поскольку интерпретируется жертвой как подтверждение заранее внушенной схемы.**

С научной точки зрения данный механизм может быть охарактеризован как **искусственное сужение эпистемической среды личности**, то есть преднамеренное уменьшение числа признаваемых источников знания и оценки. Человек перестает соотносить получаемые утверждения с независимыми критериями и все чаще сверяет их лишь с мнением тех, кто уже заинтересован в сохранении заблуждения. В подобной среде даже явные противоречия утрачивают разрушительную силу, поскольку отсутствует инстанция, способная придать им должный смысл. Задержка выплат объясняется “технической процедурой”, требования дополнительных переводов - “необходимостью завершить цикл”, отказ представить документы - “режимом конфиденциальности”, просьбы не разглашать детали - “защитой от недоброжелателей”. То, что вне изолированного контура выглядело бы очевидным признаком преступной схемы, внутри него начинает восприниматься как нормальная часть “сложного процесса”, понятного только посвященным. Так рождается опасная интеллектуальная зависимость, при которой человек уже не способен самостоятельно восстановить критерии достоверности.

Наконец, ключевое место в удержании жертвы занимает **стыд как инструмент посткриминального связывания личности с совершенной ошибкой.** Именно этот феномен объясняет, почему даже после появления первых серьезных подозрений человек нередко не прекращает участие в схеме, а, напротив, продолжает вкладываться в нее морально, эмоционально и материально. Следует подчеркнуть: преступники прекрасно знают, что разоблачение обмана происходит не в пустом психологическом пространстве. Оно сталкивается с мощнейшим внутренним

сопротивлением, поскольку признать себя обманутым - значит не только констатировать утрату средств, но и пережить удар по собственной самооценке, интеллектуальной идентичности, социальному образу и представлению о собственной зрелости. Для многих людей это переживание оказывается мучительнее самого имущественного ущерба.

Особенно драматично **стыд** действует в отношении лиц с высоким уровнем образования, устойчивым доходом, выраженным чувством компетентности и привычкой считать себя рациональными. Чем сильнее человек связан с образом “разумного”, “предусмотрительного”, “невнушаемого” субъекта, тем болезненнее для него столкновение с фактом собственной уязвимости. Возникает тяжелейший внутренний разрыв: реальность уже подает сигналы опасности, но признание этой опасности требует пересмотра самовосприятия. И именно в эту трещину преступники встраивают следующий уровень контроля. Они стремятся как можно раньше побудить жертву к действиям, которые будут не только финансово значимыми, но и нравственно компрометирующими с ее собственной точки зрения: перевести деньги вопреки советам близких, занять средства у родственников или знакомых, скрыть операцию, солгать о ее содержании, нарушить ранее декларированные правила осторожности, пренебречь собственными принципами осмотрительности. После этого человек оказывается связан уже не одной надеждой на прибыль, а еще и болезненной потребностью избежать унижительного признания.

В результате формируется крайне опасный психологический узел, в котором **стыд начинает выполнять функцию внутреннего цензора и внутреннего надзирателя одновременно**. Потерпевший боится не только потерять средства, но и встретиться с вопросами окружающих, с их недоумением, с возможным сочувствием, которое иногда переживается еще тяжелее, чем осуждение. Он откладывает обращение за помощью, умалчивает факты, минимизирует масштаб вовлечения, убеждает себя, что ситуация еще обратима. Более того, он может совершать новые переводы не потому, что искренне верит обещаниям, а потому, что каждая следующая уступка отсрочивает момент окончательного признания катастрофы. Здесь раскрывается один из самых трагических парадоксов мошеннического воздействия: **продолжение участия в схеме переживается как менее болезненное, чем признание уже случившегося обмана**. Иначе говоря, иллюзия становится анестезией, а надежда - последней защитой от сокрушительного удара по достоинству.

Необходимо настойчиво подчеркнуть, что данный стыд не является частной эмоциональной реакцией отдельной жертвы; он представляет собой социально и культурно опосредованный механизм, который преступники сознательно эксплуатируют. Во многих обществах финансовая неосмотрительность воспринимается не просто как ошибка, а как признак слабости, наивности, недостатка ума или характера. Именно поэтому

потерпевший нередко боится не только реального осуждения, но и воображаемого приговора, который, как ему кажется, вынесет его окружение. Он заранее слышит эти будущие реплики, заранее видит в глазах близких разочарование, заранее переживает унижение. Этого предвосхищенного стыда достаточно, чтобы молчать тогда, когда требуется срочное обращение за помощью. В подобной ситуации молчание становится не пассивностью, а формой отчаянной самозащиты, хотя именно оно и работает на руку преступникам.

Тем самым можно заключить, что рассмотренные механизмы образуют **единую систему поэтапного подчинения личности**. Сначала преступники распознают ведущий мотив человека и создают для него индивидуальную легенду, в которой финансовое действие предстает как решение глубинной жизненной проблемы. Затем они разрушают или дискредитируют внешние источники коррекции, лишая жертву возможности сверять внушаемую картину с независимой реальностью. После этого в ход вводится стыд как средство окончательного закрепления вовлечения: человек уже не просто надеется на обещанный результат, но и боится признать, что его доверие было использовано против него самого. В совокупности эти приемы образуют не хаотическую цепь уловок, а стройную архитектуру психологического подчинения, в которой каждый следующий этап опирается на предыдущий и усиливает его.

Именно поэтому борьба с подобными преступлениями требует отказа от упрощенного, обвинительного взгляда на потерпевшего. **Жертва мошенничества - это не “жадный простака”, а человек, подвергшийся многоуровневому воздействию на его страхи, надежды, социальные связи и нравственное самосознание.** Пока общественное обсуждение будет строиться на насмешке, презрении или морализаторстве, преступники и дальше будут пользоваться одним из своих самых сильных союзников - стыдом молчания. Напротив, адекватный научный и общественный подход должен исходить из того, что уязвимость перед искусно организованным обманом является не исключением, а частью человеческой природы. Признание этого факта не ослабляет требование личной осторожности, но возвращает обсуждению необходимую трезвость. И если мы действительно стремимся противостоять современным формам мошенничества, то обязаны видеть в них не только посягательство на имущество, но и **систематическое вторжение в психическую автономию личности**, направленное на подчинение воли, разрушение критического суждения и эксплуатацию самых болезненных внутренних переживаний человека.

Ложная инфраструктура: фиктивные сайты бирж, поддельные личные кабинеты и имитация торговой среды

Одним из наиболее опасных и в то же время наименее должным образом осмысленных явлений в структуре современного имущественного обмана

выступает **поддельная цифровая инфраструктура**, искусно воспроизводящая внешние признаки биржи, обменного узла, посреднической торговой организации, инвестиционного кабинета либо личного счета участника операций. Следует подчеркнуть: в данном случае речь идет не о единичном ложном сайте, не о грубо выполненной подделке и не о случайном наборе вводящих в заблуждение страниц. Перед потерпевшим нередко разворачивается **цельно выстроенная обманная среда**, в которой каждая составная часть - от цветового решения и расположения разделов до псевдодокументального сопровождения и последовательности сообщений - подчинена одной задаче: **лишить человека способности к критической оценке происходящего и заменить проверку фактов психологически удобной иллюзией надежности.**

Сущность подобной инфраструктуры состоит в том, что она воспроизводит не столько отдельные признаки законной финансовой деятельности, сколько **само ощущение институциональной достоверности.** Человек видит перед собой не хаотичную мошенническую страницу, а упорядоченное пространство, напоминающее привычную среду современного оборота денежных средств. Именно поэтому опасность здесь определяется не только степенью технической оснащенности преступников, но прежде всего глубиной их понимания человеческого восприятия. Они не просто рисуют таблицы и диаграммы; они конструируют доверие как управляемый психологический процесс. Потерпевший постепенно привыкает к интерфейсу, начинает воспринимать его как рабочий инструмент, перестает сомневаться в реальности отображаемых сведений и, что особенно существенно, внутренне переносит на преступную конструкцию тот кредит доверия, который в обычной жизни связан у него с банками, биржами, государственным контролем, правовыми процедурами и деловой документацией.

Первым фундаментальным признаком такой среды является **псевдореалистичность**, то есть намеренное создание убедительной, внешне правдоподобной картины финансовой деятельности, не имеющей под собой реального экономического содержания. На соответствующем ресурсе могут присутствовать графики движения цен, таблицы с котировками, история совершенных действий, разделы подтверждения личности, окна якобы оперативной поддержки, всплывающие уведомления о начисленной прибыли, отчеты о мнимо исполненных операциях, ссылки на правила обслуживания, разрешительные документы, пользовательские соглашения, сведения о многолетнем стаже работы организации, а порой и разделы с вымышленными аналитическими обзорами. Однако изобилие этих элементов не только не подтверждает реальность хозяйственной деятельности, но нередко прямо служит ее сокрытию. Перед нами возникает парадокс современной преступной маскировки: чем богаче визуальная и

текстовая оболочка, тем труднее неподготовленному лицу заметить отсутствие подлинного предмета, который она должна удостоверить.

Принципиально важно отметить, что **внешнее правдоподобие не тождественно юридической и экономической действительности**. График сам по себе не доказывает существования торгов. Таблица не удостоверяет факта обращения активов. Указание на разрешение не подтверждает его действительность, если оно не поддается проверке через официальные государственные реестры. История операций не свидетельствует о том, что хотя бы одна из них произошла в действительности. Даже наличие тщательно составленных внутренних положений, формально выдержанных в деловом стиле, нередко служит не признаком правомерности, а инструментом внушения. Именно в этом и заключается одна из самых опасных сторон рассматриваемого явления: **декорация начинает заменять доказательство, а форма - подменять содержание**.

Псевдореалистичность особенно действенна потому, что она опирается на глубоко укоренившееся в массовом сознании убеждение: **если нечто выглядит сложно, упорядоченно и профессионально, значит, оно, вероятно, подлинно**. Мошенническая среда эксплуатирует это убеждение беспощадно и системно. Она создает впечатление технической насыщенности, правовой оформленности и организационной зрелости. На потерпевшего действует не один конкретный элемент, а **совокупность согласованных сигналов**, каждый из которых по отдельности может показаться неубедительным, но вместе они производят мощный эффект институциональной достоверности. Человек видит привычные обозначения, знакомые категории, кажущуюся деловую дисциплину, повторяемость операций, внутреннюю логику интерфейса - и именно это сочетание заставляет его воспринимать ложь как вероятную правду.

Следует со всей определенностью сказать: в подобных случаях потерпевшему демонстрируют **не рынок, а сценическое воспроизведение рынка**, не действительный оборот ценностей, а тщательно поставленное представление о таком обороте. Это не пространство подлинного обмена, а пространство управляемого впечатления. Его архитектура рассчитана на то, чтобы снять у человека естественный вопрос: «Где и как на самом деле совершается операция?» Вместо ответа ему предлагают зрелище, достаточное для эмоционального успокоения, но пустое с точки зрения проверяемой реальности. Здесь преступление совершается не только путем прямого изъятия средств, но и путем **организованного производства видимости**, которая временно заменяет потерпевшему факты.

Вторым ключевым признаком выступает **визуальная прибыль при фактической невозможности распоряжения средствами**, прежде всего невозможности их возврата или вывода. На экране у потерпевшего может расти остаток на счете, отображаться доход, начисляться проценты,

увеличиваться показатель общей доходности, фиксироваться якобы успешные операции, закрываться мнимо прибыльные позиции. Иногда человеку демонстрируют даже динамику его «инвестиционного пути»: стартовый взнос, промежуточный рост, ускорение прибыли, достижение нового статуса, допуск к «расширенным возможностям». Внешне все это создает впечатление движения капитала и успешного участия в доходной деятельности. Но указанная прибыль существует лишь в пределах преступного интерфейса и ровно до того момента, пока потерпевший остается источником новых поступлений.

Именно попытка получить деньги обратно становится моментом истины, в котором обманная конструкция обнаруживает свое подлинное назначение. Как только человек выражает намерение вывести средства, немедленно возникают новые препятствия, поданные под видом обязательных процедур: уплата налога, покрытие комиссии, подтверждение происхождения денежных средств, внесение страхового взноса, обеспечение канала вывода, активационный платеж, подтверждение статуса, временный регламентный сбор, резервирование ликвидности, проверка безопасности счета, восстановление синхронизации, погашение внутренней задолженности, подтверждение транзитного лимита. Названия могут меняться, но логика остается неизменной: **право на получение собственных денег ставится в зависимость от нового перевода в пользу преступников.**

Следует обратить особое внимание на то, что подобная схема обладает исключительной психологической эффективностью. Если бы потерпевшему сразу сообщили, что деньги утрачены, дальнейшее вымогательство стало бы затруднительным. Но преступники действуют тоньше. Они стремятся убедить человека, что средства не похищены, не исчезли, не выведены третьими лицами, а по-прежнему числятся за ним, пусть и временно недоступны вследствие некой формальной процедуры. Это чрезвычайно важный момент. **Поддельный личный кабинет нужен не для хранения денег, а для хранения надежды.** Пока на экране сохраняется сумма, пока растет доход, пока система обещает скорое завершение проверки, потерпевший склонен воспринимать очередной платеж не как новую потерю, а как условие будущего возврата уже «имеющихся» средств.

Так возникает один из наиболее разрушительных механизмов современного цифрового вымогательства: человек не просто один раз лишается денег, он втягивается в **цепь последовательных платежей**, каждый из которых обосновывается предыдущим. Уже уплаченная сумма психологически подталкивает его платить снова, чтобы «не потерять все окончательно». В научной литературе подобный процесс описывается как нарастание вынужденной вовлеченности, однако в публицистическом измерении необходимо назвать вещи своими именами: перед нами **жестокая эксплуатация человеческой надежды, страха и стыда. Потерпевший боится**

признать, что его обманули; ему легче поверить в очередную формальность, чем в масштаб понесенного ущерба. Преступники превосходно знают это и строят свою ложную инфраструктуру таким образом, чтобы каждый следующий платеж казался не абсурдом, а последним необходимым шагом к разблокированию счета.

Следовательно, отображаемая прибыль выполняет не экономическую, а сугубо манипулятивную функцию. Она нужна для поддержания доверия, для подавления сомнений, для оправдания новых требований, для продления времени контакта с потерпевшим. Иначе говоря, **прибыль в мошенническом кабинете - это не результат деятельности, а средство дальнейшего давления.** Чем убедительнее выглядит растущий баланс, тем труднее человеку признать, что перед ним всего лишь числовая иллюзия, не обеспеченная ни активом, ни обязательством, ни реальной возможностью распоряжения.

Третьим системообразующим признаком является подмена понятий между подлинной биржей и преступной надстройкой, искусственно представляемой как часть признанной, крупной и якобы законной финансовой системы. Преступники могут использовать наименования, цветовые сочетания, начертания, условные обозначения, адреса сайтов, сходные с обозначениями известных площадок. Иногда они прямо копируют композицию страниц, стилистику служебных разделов, структуру меню, характер уведомлений. В иных случаях они идут еще дальше и утверждают, будто действуют не от собственного имени, а как «партнерский кабинет», «закрытый шлюз», «внутренний контур для крупных клиентов», «служебный интерфейс», «специальный расчетный раздел», «вспомогательная платформа для верифицированных участников». Для неподготовленного человека подобная терминология звучит весомо, сложно и потому убедительно. Но именно в этой сложности и кроется уловка.

Подмена понятий действует за счет того, что преступники опираются на **асимметрию знания** между собой и потерпевшим. Обычный человек, как правило, не обязан разбираться в устройстве биржевой инфраструктуры, в порядке допуска к торгам, в правовом положении посредников, в формах лицензирования, в разграничении функций между организатором торгов, депозитарным учреждением, расчетной организацией и участником рынка. Этой неполнотой знания злоумышленники пользуются без остатка. Они наполняют общение словами, которые производят впечатление профессиональной глубины, но не содержат проверяемого смысла. Жертве внушают мысль, будто перед ней не самостоятельный сомнительный ресурс, а лишь особый вход в уже известную большую систему, доступный ограниченному кругу лиц. Так преступная конструкция **прячется в тени чужого авторитета,** паразитируя на репутации настоящих организаций.

Особую опасность представляет то обстоятельство, что подобная подмена понятий зачастую не сводится к простому сходству наименований. Она включает создание целой легенды: человеку объясняют, что обычный сайт биржи предназначен для общего ознакомления, а рабочий кабинет инвестора якобы расположен в ином контуре; что крупные операции не отображаются в публичной части; что для «профессиональных участников» существует специальный порядок подключения; что сервисы вывода средств проходят через отдельный служебный раздел; что безопасность требует использования «закрытого канала». Эта легенда рассчитана на одно - **нормализовать аномалию**, то есть заставить потерпевшего считать подозрительные признаки не свидетельством обмана, а следствием его собственной неосведомленности.

В результате человек перестает сравнивать увиденное с объективной реальностью и начинает соотносить его с навязанной преступниками внутренней логикой. Если адрес сайта не совпадает с официальным, это объясняется «служебным доступом». Если отсутствует открытая информация в реестрах, это объявляется следствием «международного режима работы». Если вывод средств задерживается, ссылаются на «особенности крупного оборота» или «проверку межгосударственного транзита». Если появляются новые платежи, их называют «условиями расчетного сопровождения». Так шаг за шагом мошенническая надстройка выдает себя за техническое продолжение законной системы, тогда как в действительности она существует исключительно для перехвата денежных средств и удержания потерпевшего в состоянии зависимого ожидания.

В более широком смысле рассматриваемое явление свидетельствует о глубокой трансформации самого механизма мошенничества в цифровую эпоху. Если ранее обман нередко строился на одном ложном обещании или на кратком эпизоде введения в заблуждение, то сегодня мы наблюдаем **инфраструктурное мошенничество**, то есть преступление, маскирующееся под устойчивую, многоуровневую, процедурно насыщенную систему. Это уже не случайная уловка, а квазиинституциональная конструкция, стремящаяся воспроизвести признаки порядка, регламента, учета, отчетности и служебной коммуникации. Она вторгается в ту область общественного доверия, где человек привык полагаться на формализованные признаки законности. И именно поэтому ущерб от нее выходит за рамки частных имущественных потерь. Под удар ставится **само доверие к цифровым формам экономической организации**, к дистанционным способам участия в финансовом обороте, к языку деловой документации, к внешним символам правомерности.

Отсюда вытекает принципиальный вывод: при оценке подозрительной цифровой среды необходимо исходить не из красоты оформления, не из сложности интерфейса и не из насыщенности псевдоправовыми элементами, а из вопроса о проверяемой связи между отображаемыми

сведениями и реальной юридически значимой деятельностью. Существует ли подлинное юридическое лицо? Подтверждается ли его статус официальными источниками? Имеется ли действительное право на оказание соответствующих услуг? Можно ли проверить адреса, реквизиты, разрешительные документы, порядок рассмотрения споров, реальный механизм хранения и перевода средств? Обеспечивается ли фактическая, а не декларируемая возможность распоряжения деньгами? Если на эти вопросы нет ясного и независимо подтверждаемого ответа, то перед нами с высокой вероятностью не финансовая организация, а **искусно изготовленная ловушка**, цель которой - не предоставить доступ к рынку, а под видом доступа к рынку завладеть средствами потерпевшего.

Таким образом, поддельная цифровая инфраструктура должна рассматриваться как один из центральных инструментов современного мошенничества именно потому, что она соединяет в себе **визуальное правдоподобие, числовую иллюзию прибыли и понятийную мимикрию под признанные институты.** В ее пределах ложь перестает быть отдельным утверждением и превращается в целостную среду обитания потерпевшего. И в этом состоит ее особая общественная опасность. Человека обманывают не только словами, его обманывают пространством, порядком, процедурой, видимостью учета, ритмом сообщений, псевдодокументами, мнимой служебной необходимостью. Его убеждают, что он находится внутри системы, тогда как на деле он уже давно находится внутри преступного замысла. Именно поэтому научное и правоприменительное осмысление данного феномена требует предельной точности, строгости и непримиримости: **там, где имитация финансовой реальности начинает подменять саму реальность, возникает не просто обман, а высокоорганизованная форма посягательства на имущество, доверие и рациональную способность человека сопротивляться лжи.**

Особенно показательны, что в современной преступной практике наибольшую эффективность демонстрируют не примитивные схемы прямого выманивания средств, а сложные, тщательно инсценированные конструкции, опирающиеся на психологическое давление, имитацию профессиональной среды и создание у потерпевшего чувства рациональности происходящего. **Одним из центральных инструментов такого воздействия становится ложная цифровая инфраструктура**, которая не просто сопровождает обман, а образует его содержательное ядро. Именно она превращает голословное обещание дохода в якобы наблюдаемую реальность, подменяя подлинную проверку искусно выстроенной системой зрительных, числовых и процедурных подтверждений. Речь идет не о случайных подделках низкого качества, а о целостных технических декорациях, воспроизводящих внешний облик торговых площадок, учетных кабинетов, служб уведомления, аналитических разделов и расчетных окон.

Их назначение состоит в том, чтобы лишить человека главной защитной способности - сомнения, опирающегося на независимую проверку фактов.

Особенно часто преступники эксплуатируют сюжеты, которые уже получили широкое распространение в массовом сознании и потому воспринимаются как правдоподобные. **Прежде всего речь идет о межбиржевом арбитраже**, то есть о якобы существующей возможности извлекать почти безрисковую прибыль за счет различий в ценах на один и тот же актив на разных площадках. Для неискушенного участника такая схема звучит убедительно: ему объясняют, что рынок якобы не успевает выравнивать котировки, а потому быстрый исполнитель операций может получать устойчивый доход практически автоматически. Однако именно здесь поддельная инфраструктура оказывается незаменимой. Без нее злоумышленник вынужден был бы ограничиться словами; с нею он получает возможность показать потерпевшему тщательно сконструированную картину мира, в которой ценовые разрывы будто бы существуют постоянно, сделки будто бы исполняются мгновенно, а прибыль будто бы фиксируется с математической неизбежностью. На экране отображаются таблицы с курсами, различающимися в нужную сторону, графики, построенные так, чтобы внушать ощущение рыночной подлинности, окна исполнения поручений, журналы операций и итоговые суммы дохода. **Но все эти данные существуют лишь внутри замкнутой системы обмана**: они не подтверждаются ни одной внешней и независимо проверяемой площадкой, ни одним общедоступным источником биржевой информации, ни одним юридически значимым документом.

Не менее часто используется и сценарий повторения сделок за так называемым успешным участником. Его подают как форму упрощенного вхождения в сферу обращения цифровых активов: потерпевшему предлагают не принимать решения самостоятельно, а лишь следовать за действиями опытного лица, чья высокая доходность якобы уже доказана. С психологической точки зрения это чрезвычайно сильный прием, поскольку он снимает с человека бремя собственного анализа и переносит доверие на фигуру «наставника», «аналитика» или «руководителя группы». Поддельная инфраструктура в этом случае выполняет двойную задачу. С одной стороны, она создает образ существующей профессиональной деятельности: демонстрирует якобы открываемые и закрываемые позиции, временные отметки, проценты доходности, историю предыдущих операций. С другой стороны, она формирует у потерпевшего ощущение включенности в привилегированное сообщество, где знание якобы поступает от более опытного лица к менее опытному. **Так возникает опаснейшая иллюзия опосредованной компетентности**: человек убеждает себя, что лично может не разбираться в предмете, поскольку уже присоединился к тому, кто разбирается. Между тем все «сигналы», «входы», «выходы» и «подтверждения результата» могут быть полностью

срежиссированы. Журнал сделок легко создать задним числом, доходность - нарисовать произвольно, последовательность действий - подогнать под нужный повествовательный эффект. Чем убедительнее эта псевдодокументальность, тем меньше вероятность, что потерпевший потребует сравнить увиденное с независимыми сведениями о движении средств в действительной сети или с данными законной торговой площадки.

Столь же характерен сюжет высокодоходных программ блокировки средств ради вознаграждения, где преступники используют представление о том, что простое удержание актива в определенном режиме само по себе способно приносить значительный и, что особенно важно, регулярный доход. И здесь ложная цифровая среда становится не дополнением, а главным механизмом внушения. Потерпевшему показывают размер якобы размещенной суммы, ежедневные или ежечасные начисления, нарастающий итог дохода, перспективу увеличения вознаграждения при продлении участия или внесении дополнительных средств. В ряде случаев имитируются даже технические ограничения на вывод, чтобы объяснить, почему человек видит прибыль на экране, но не может ею распорядиться немедленно. Ему сообщают о необходимости доплатить «подтверждающий взнос», «налог», «страховой резерв», «плату за разблокирование», после чего обещают открыть доступ ко всему объему средств сразу. **Перед нами одна из самых разрушительных форм цифрового обмана: видимость начисления заменяет реальное имущественное право.** Пока потерпевший наблюдает растущие цифры в учетном окне, он склонен считать их уже принадлежащим ему имуществом, хотя в действительности никакого подлежащего получению дохода не существует. Ложная инфраструктура производит подмену: вместо подлинного гражданско-правового и технологического результата человеку предлагается театрализованное зрелище чисел.

Суть опасности заключается в том, что такие системы не просто демонстрируют несуществующие ценовые расхождения, несуществующую доходность и несуществующие начисления. **Они создают искусственную среду подтверждения**, в которой каждое следующее ложное сообщение опирается на предыдущее и потому воспринимается как часть внутренне согласованной картины. Потерпевший видит, что слова «наставника» будто бы подтверждаются движением котировок, исполнением поручений, приростом дохода и сообщениями о статусе счета. Эта согласованность обманчива, но именно она оказывает на сознание наиболее сильное воздействие. Человек перестает искать внешние критерии истинности, потому что внутри мошеннической конструкции все элементы уже взаимно «доказывают» друг друга. В результате разрушается сама культура проверки: вместо обращения к независимым реестрам, правовым сведениям о лице, действительным данным сети, репутации организации, условиям договора

и порядку распоряжения средствами потерпевший остается внутри поддельного цифрового пространства, принимая его внутреннюю непротиворечивость за признак подлинности.

Нередко преступники прибегают и к поддельным уведомлениям от служб безопасности, что заслуживает особого внимания, поскольку здесь ложная инфраструктура превращается из инструмента внушения в непосредственный механизм хищения. Потерпевшему поступает сообщение, оформленное как срочное предупреждение о подозрительной активности, угрозе взлома, необходимости «спасти» счет, пройти дополнительное подтверждение личности или немедленно перевести активы в «безопасную среду хранения». Подобные уведомления могут приходить через электронную почту, мнимые служебные окна на поддельном сайте, сообщения в мессенджерах, телефонные звонки или даже через псевдоофициальные учетные записи в общественных сетях. Внешне они часто оформлены с высокой степенью правдоподобия: используются названия известных площадок, стилистика деловой переписки, шаблоны тревожных извещений, ссылки на внутренние правила, угрозы временной блокировки счета при бездействии. **Главная цель такой атаки - заставить человека совершить действие в состоянии управляемой тревоги**, когда страх утраты средств подавляет способность к рассуждению.

Это действие может принимать различные формы, но во всех случаях оно направлено на утрату контроля над имуществом или средствами распоряжения им. Потерпевшего могут склонять к переводу активов на адрес, выданный за «резервный» или «защитный», хотя в действительности он принадлежит преступникам. Его могут убеждать утвердить вредоносное разрешение на распоряжение активами, позволяющее постороннему лицу впоследствии списать средства без отдельного согласования каждой операции. Его могут вынуждать раскрыть секретные данные - исходные ключевые слова, личные ключи, одноразовые коды подтверждения, сведения для входа в учетную запись. Наконец, его могут подвести к подключению удаленного доступа к устройству, после чего преступник получает возможность наблюдать за действиями жертвы, вмешиваться в них, подменять реквизиты, инициировать операции или извлекать конфиденциальные сведения напрямую. **В этом проявляется особенно зловещая функция ложной инфраструктуры**: она уже не только изображает существование дохода или угрозы, но и организует конкретную последовательность действий, в ходе которой имущество выводится из-под власти законного владельца. Иначе говоря, перед нами не просто декоративное сопровождение мошенничества, а его полноценный операционный канал.

Необходимо подчеркнуть, что высокий зрительный уровень цифрового ресурса сам по себе не доказывает ровным счетом ничего. Это обстоятельство требует принципиального и многократного повторения,

поскольку именно на внешнюю убедительность до сих пор ориентируется значительная часть пользователей. **Красивый интерфейс не является доказательством правовой, технической или финансовой действительности.** В эпоху готовых шаблонов, общедоступных библиотек оформления, недорогих средств разработки и массового распространения чужих образцов преступная группа способна в короткий срок создать такой цифровой фасад, который по внешнему впечатлению будет выглядеть даже внушительнее, чем ресурсы многих законных организаций. Более того, именно незаконные проекты нередко вкладывают особые усилия в зрительную отделку, потому что им требуется компенсировать отсутствие реального содержания. Там, где нет надлежащего правового статуса, понятной организационной структуры, прозрачного порядка учета средств, доказуемой истории деятельности и подлинной ответственности перед клиентом, возникает потребность в гипертрофированной зрительной убедительности. Так мошенническая эстетика становится суррогатом институциональной реальности.

Отсюда вытекает ключевой методологический вывод: **главный вопрос состоит не в красоте интерфейса, а в проверяемости юридической, технической и финансовой реальности площадки.** Юридическая проверяемость предполагает наличие определимого лица, несущего ответственность за деятельность ресурса, доступность сведений о его правовом статусе, юрисдикции, порядке рассмотрения споров, условиях договора, правилах оказания услуг, механизме защиты прав пользователя. Если лицо, собирающее средства, скрыто за анонимными обозначениями, не раскрывает свое действительное наименование, не предоставляет внятной документации или оперирует расплывчатыми формулами вместо юридически значимых обязательств, это уже должно рассматриваться как тяжелейший тревожный признак. Техническая проверяемость означает возможность независимо удостовериться в том, что отображаемые операции действительно совершаются, что адреса и движения средств существуют вне интерфейса сайта, что программные разрешения, запрашиваемые системой, соответствуют заявленным целям и не выходят за пределы необходимого. Финансовая проверяемость, в свою очередь, требует ответа на самые простые, но самые неудобные для мошенников вопросы: откуда возникает доход, за счет какого экономического механизма он формируется, кто принимает на себя риск, чем подтверждаются обязательства по выплатам, существует ли документально и фактически обеспеченный источник средств. Там, где вместо таких ответов предлагаются лишь красивые диаграммы, восхищенные отзывы, срочные призывы не упустить возможность и ссылки на успех некоего «наставника», следует видеть не инвестиционную возможность, а высокую вероятность преступного посягательства.

Особую общественную опасность рассматриваемых схем усиливает то обстоятельство, что они размывают традиционные представления о признаках мошенничества. Для значительной части граждан преступление по-прежнему ассоциируется с грубой подделкой, очевидной нелепостью обещаний или примитивной речью злоумышленника. Однако современная преступная среда давно преодолела эту стадию. **Сегодня обман часто подается языком рациональности, дисциплины и технической компетентности.** Потерпевшему предлагают не верить на слово, а «убедиться самому» - но убеждаться он вынужден внутри заранее подстроенной системы. Ему предлагают не рисковать, а «следовать проверенной стратегии»; не торопиться, а «действовать по регламенту»; не доверять случайным людям, а работать с «куратором» или «службой безопасности». В этом и состоит глубокий парадокс: мошенническая схема заимствует лексику осторожности, проверки и профессионализма, чтобы с еще большей эффективностью уничтожить действительную осторожность, действительную проверку и действительный профессионализм.

Поэтому в научном и практическом отношении чрезвычайно важно рассматривать ложную цифровую инфраструктуру не как второстепенную оболочку преступления, а как самостоятельный предмет анализа. **Она соединяет в себе свойства психологического оружия, технического посредника и организационного механизма хищения.** Через нее создается доверие, через нее формируется зависимость от «наставника», через нее инсценируется прибыль, через нее распространяются ложные сигналы тревоги, через нее же совершается окончательное изъятие средств или средств доступа к ним. Пока эта инфраструктура остается для пользователя непрозрачной, он находится в положении человека, которому предлагают судить о реальности учреждения исключительно по величественному фасаду, не позволяя заглянуть ни в учредительные документы, ни в бухгалтерские книги, ни в технический журнал операций. Вся сила преступной конструкции держится на том, чтобы подменить доказуемое - правдоподобным, проверяемое - зрелищным, а реальное - удобно показанным.

Именно поэтому исследуемый фрагмент требует самого категоричного вывода. **Ни одна цифровая площадка не должна оцениваться по степени зрительной убедительности, количеству анимационных элементов, гладкости общения «поддержки» или демонстрируемой доходности.** Единственно значимым критерием остается способность внешнего, независимого и воспроизводимого подтверждения всех существенных обстоятельств: существования организации, законности ее деятельности, действительности операций, подлинности обязательств и реальности механизма получения дохода. Когда же пользователю вместо такой подтверждаемости предлагают лишь внутреннюю картину без выхода к независимой проверке, он имеет дело не с финансовой или технологической

системой, а с тщательно поставленным представлением, где каждая деталь служит одной цели - лишить его имущества под видом разумного и контролируемого действия. В этом состоит сущностная опасность ложной инфраструктуры: она не просто обманывает глаз, она разрушает саму способность отличать доказанное от показанного.

Мессенджерные сети как среда ускоренного вовлечения: особая роль ТЕЛЕГРАМА

Особого внимания в современном исследовании цифрового мошенничества заслуживает Телеграм как особая коммуникативная среда, в которой с исключительной плотностью соединились анонимность, стремительность распространения сведений, множественность каналов воздействия, легкость образования закрытых сообществ и относительная простота перевода потенциальной жертвы из обозримого публичного пространства в изолированное личное общение. Именно это сочетание свойств придает данной площадке принципиально иной общественный вес. Перед нами уже не просто средство передачи сообщений и не просто технический посредник между пользователями, а **сложившаяся среда системного воздействия**, в пределах которой осуществляется поиск уязвимых лиц, конструирование доверия, имитация компетентности, управление репутационными сигналами, психологическое сопровождение жертвы и последующее перенаправление денежных средств. Иначе говоря, Телеграм в подобного рода схемах выступает не внешним фоном, а **функционально насыщенной социальной инфраструктурой**, где каждый технический инструмент может быть обращен в орудие убеждения, сокрытия и подчинения.

Вместе с тем научная добросовестность требует решительно отказаться от примитивных суждений. Было бы методологически ошибочно объявлять саму площадку тождественной преступной деятельности. Подобная постановка вопроса не выдерживает критики уже потому, что всякая цифровая среда, обладая нейтральной технической основой, используется множеством субъектов в законных, социально полезных и общественно значимых целях. Однако не менее ошибочной была бы и противоположная крайность - стремление не замечать очевидного: именно в Телеграме в последние годы сложилась **исключительно благоприятная среда для мошеннических сетей**, поскольку совокупность его организационных и коммуникативных свойств позволяет выстраивать обман не эпизодически, а как устойчивый, многозвенный и воспроизводимый процесс. Научный анализ должен быть освобожден как от морализаторской упрощенности, так и от технического наивного нейтралитета. Вопрос состоит не в том, «виновата» ли площадка как таковая, а в том, **какие именно свойства среды объективно снижают порог для злоупотреблений, ускоряют распространение обманных практик и затрудняют внешнюю проверку заявлений.**

Прежде всего следует отметить, что Телеграм создает уникальные условия для соединения массового охвата с иллюзией личной близости. В традиционном публичном сообщении адресат ясно осознает, что имеет дело с обращением ко множеству лиц одновременно. В рассматриваемой среде эта граница размыта. Канал может говорить с тысячами подписчиков, но стилистически и психологически обращаться к каждому как к давно знакомому собеседнику. Подобная форма коммуникации производит мощный эффект вовлечения: сообщение не воспринимается как безличная реклама, оно переживается как доверительный совет, как предупреждение «для своих», как эксклюзивное приглашение в круг посвященных. Здесь и возникает **психологическая маскировка коммерческого или преступного интереса под авторское высказывание**, что чрезвычайно важно для мошеннических схем. Обман перестает выглядеть как грубое навязывание услуги; он начинает казаться частью естественного информационного потока, частью якобы искренней личной позиции автора.

Именно поэтому Телеграм-каналы столь удобны для быстрого приобретения рекламного размещения и столь опасны в силу своей способности скрывать рекламную природу сообщения. Внешне публикация может быть оформлена как частное мнение, личный опыт, аналитическое наблюдение, дружеская рекомендация или даже как нравственная позиция автора, желающего «предостеречь» аудиторию и одновременно предложить ей «надежный выход». Но за этой риторической оболочкой нередко скрывается оплаченный материал, цель которого заключается не в информировании, а в переводе внимания подписчика к заранее подготовленному звену схемы. **Маскировка цели под форму искренности** становится одним из центральных механизмов легитимации обмана. Читатель видит не объявление в его привычном виде, а текст, встроенный в авторский поток, стилистически неотличимый от обычных сообщений канала. Тем самым снимается естественная настороженность, которая обычно сопровождает восприятие рекламы.

Не менее существенна и другая особенность: внутри Телеграма чрезвычайно легко создается видимость массовой поддержки. В условиях, когда для человека мнение окружающих служит важнейшим ориентиром в ситуации неопределенности, мошеннические сети активно воспроизводят **искусственное общественное доказательство**. Эта технология действует тем сильнее, чем меньше у потенциальной жертвы возможностей для внешней проверки. Положительные отзывы публикуются в виде скриншотов, голосовых сообщений, благодарностей, рассказов о «реальных результатах», фотографий якобы полученной прибыли, эмоциональных признаний «учеников» и «участников». Все это подается как спонтанное подтверждение эффективности услуги или честности организаторов. Однако при ближайшем рассмотрении выясняется, что подобные материалы часто фабрикуются, многократно воспроизводятся в разных каналах,

стилистически унифицируются и включаются в заранее рассчитанный сценарий убеждения. Перед исследователем предстает не спонтанное мнение сообщества, а **технологически сконструированная атмосфера доверия**, в которой сама множественность «доказательств» превращается в средство подавления критического суждения.

Особую опасность представляет размещение рекламы сомнительных либо откровенно преступных услуг на страницах внешне уважаемых авторов. В общественном сознании действует устойчивый механизм косвенного доверия: если известное лицо, популярный публицист, экспертно выглядящий комментатор или широко читаемый автор публикует то или иное сообщение, аудитория склонна исходить из предположения, что хотя бы минимальная проверка добросовестности уже произведена. Здесь формируется **перенос доверия с носителя репутации на рекламируемый объект**. Именно этот перенос становится решающим звеном, благодаря которому человек делает шаг навстречу мошеннической схеме. Он доверяет не самому предложению как таковому, а тому символическому капиталу, который, как ему кажется, стоит за фактом публикации.

На практике же такая проверка нередко отсутствует либо носит сугубо формальный характер. Более того, сама логика рекламного оборота на мессенджерных площадках в ряде случаев способствует систематическому вытеснению должной осмотрительности денежным интересом. Вознаграждение за размещение, высокая скорость договоренностей, слабая прозрачность посреднических связей, возможность быстро удалить публикацию и трудности последующего доказывания создают ситуацию, в которой лицо, обладающее доступом к аудитории, оказывается искушено рассматривать рекламодателя не как потенциальный источник общественной опасности, а исключительно как источник дохода. Так возникает нравственно и юридически значимая серая зона: автор канала может не быть непосредственным исполнителем мошеннического деяния, не вступать в прямой стговор и даже субъективно не считать себя причастным к преступлению, однако объективно он становится **звеном легитимации обмана**, без которого схема лишилась бы важнейшего ресурса - первоначального доверия аудитории. В социальном смысле такое посредничество не является нейтральным. Оно придает обману видимость допустимости, а преступному предложению - ауру общественной приемлемости.

Telegram особенно удобен и для многоуровневого разведения ролей между участниками мошеннической сети. Это обстоятельство требует отдельного внимания, поскольку именно оно превращает разрозненный обман в устойчивую организованную среду. Один канал может выступать в качестве витрины и заниматься первичным привлечением внимания. Другой - имитировать образовательную деятельность, публикуя тексты псевдоаналитического характера, создавая впечатление теоретической

основательности и профессиональной глубины. Третий аккумулирует «отзывы» и демонстрирует якобы независимые подтверждения результативности. Четвертый изображает сообщество успешных участников, где царит атмосфера причастности к избранному кругу и где постоянно воспроизводятся истории успеха. Пятый выдает себя за службу поддержки, что особенно важно для нейтрализации сомнений и снятия тревоги на поздних стадиях вовлечения. Отдельные личные учетные записи при этом играют роли наставников, кураторов, аналитиков, консультантов, проверяющих, представителей финансового отдела и иных фигур, каждая из которых призвана укрепить впечатление организационной зрелости и институциональной надежности.

Подобное распределение ролей имеет не декоративное, а глубокое психологическое значение. Оно создает у потерпевшего впечатление, будто перед ним не узкая группа мошенников, а **разветвленная социальная система с внутренним разделением труда**, что в глазах обычного человека почти автоматически приравнивается к признаку подлинности. Чем больше ролей, тем сильнее ощущение, что деятельность реальна; чем больше каналов подтверждают друг друга, тем менее вероятной кажется мысль о едином источнике управления. Так формируется замкнутая среда взаимных ссылок, где каждое звено отсылает к другому, а каждое подтверждение выглядит внешне независимым. В действительности же речь идет о тщательно выстроенной архитектуре убеждения, основанной на принципе перекрестной легитимации. Человек оказывается внутри пространства, где все элементы говорят одно и то же разными голосами, и потому ложь приобретает убедительность не за счет доказанности, а за счет повторяемости.

Следует подчеркнуть, что сила подобной схемы состоит не только в технической многоканальности, но и в последовательном переводе жертвы из зоны общественной обозримости в пространство индивидуального воздействия. Именно здесь раскрывается одно из ключевых преимуществ Телеграма для мошенников: **легкость перехода от публичного сообщения к личной переписке**. Публичный канал выполняет функцию первичного внушения, формирует интерес, задает эмоциональный настрой, создает дефицит времени, обещает доступ к исключительной возможности. Однако решающее воздействие часто разворачивается уже в личном общении, где исчезают внешние свидетели, где нельзя сопоставить обещания с реакцией других участников, где давление становится адресным и непрерывным. В частной переписке мошенник подстраивает аргументацию под конкретного человека, выявляет его надежды, страхи, уровень финансовой грамотности, степень одиночества, склонность к риску, потребность в признании, желание быстрого улучшения жизненных обстоятельств. Массовое сообщение здесь служит лишь входом; подлинное подчинение начинается в индивидуальном контакте.

Эта переориентация из публичного пространства в личное имеет колоссальное криминологическое значение. Пока сообщение находится в канале, оно хотя бы потенциально доступно критике, сопоставлению, осмыслению в коллективном режиме. Как только взаимодействие переносится в закрытый чат или личную переписку, возможности общественного контроля стремительно сокращаются. Потерпевший лишается внешних ориентиров, а мошенник приобретает преимущество в интерпретации происходящего. Он может объяснять задержки, выдумывать технические препятствия, создавать видимость сопровождения, ссылаться на правила безопасности, обещать скорую выгоду, требовать дополнительных платежей и одновременно убеждать жертву не разглашать подробности. Закрытость становится не просто условием удобства, а **структурным элементом преступного управления восприятием**. Именно в ней ложь получает наибольшую свободу, поскольку не встречает немедленного внешнего опровержения.

Нельзя обойти вниманием и феномен имитации экспертности, который в Телеграме приобретает особенно убедительные формы. Визуально и стилистически канал может легко воспроизводить признаки компетентного источника: деловую тональность, уверенный понятийный строй, ссылки на события общественной жизни, графики, обзоры, «аналитические» рассуждения, мнимо профессиональные комментарии, повествование о сложных механизмах получения прибыли или сохранения средств. Для массового адресата подобная речь звучит весомо именно потому, что она насыщена терминологически, категорична и эмоционально дисциплинирована. Однако за внешней стройностью изложения нередко скрывается содержательная пустота, подмена понятий или прямой вымысел. **Имитация знания оказывается важнее самого знания**, поскольку ее задача состоит не в том, чтобы объяснить реальность, а в том, чтобы подавить сомнение. В этой среде псевдокомпетентность становится экономическим ресурсом: чем убедительнее выглядит говорящий, тем легче он переводит аудиторию к действиям, выгодным для схемы.

Следовательно, необходимо видеть в Телеграме не совокупность изолированных сообщений, а особую среду социальной инженерии, где техническая архитектура площадки соединяется с приемами массового убеждения, психологического давления и репутационного посредничества. Здесь нет случайного нагромождения элементов. Анонимность облегчает сокрытие подлинных организаторов. Скорость распространения сведений позволяет мгновенно масштабировать ложь. Множественность каналов создает эффект рассеянной, но согласованной поддержки. Закрытые сообщества исключают внешнюю критику и усиливают групповое давление. Личная переписка дает возможность индивидуально дорабатывать сценарий обмана. Рекламные размещения у уважаемых авторов снабжают схему заимствованным доверием. Псевдообразовательные и

псевдоэкспертные материалы придают ей интеллектуальную оболочку. Фабрикованные отзывы формируют эмоциональное подтверждение. Все вместе образует **целостный механизм подчинения жертвы**, в котором каждое звено усиливает другое.

Поэтому научное описание данного явления не может ограничиваться поверхностной констатацией того, что мошенники «используют мессенджер». Такая формула слишком бедна, чтобы передать действительный масштаб проблемы. Речь идет о более серьезном процессе: о превращении цифровой среды в пространство, где доверие индустриально производится, распределяется и эксплуатируется. В этом состоит одна из наиболее тревожных черт современного мошенничества. Если в прежних формах обман часто зависел от личного контакта, разовой уловки или случайной встречи, то в рассматриваемом случае мы имеем дело с **системной организацией доверия как предмета преступного обращения**. Доверие здесь не возникает естественно; оно конструируется, разогревается, подкрепляется, подтверждается и монетизируется. И чем более незаметен этот процесс для жертвы, тем эффективнее он действует.

Отсюда вытекает принципиально важный вывод. Опасность Телеграма в контексте мошеннических практик заключается не в каком-либо одном свойстве, а в синергии множества факторов, которые, соединяясь, образуют крайне благоприятную среду для обмана. Именно поэтому исследование должно быть направлено не только на выявление отдельных незаконных объявлений или отдельных недобросовестных лиц, но и на анализ тех общественных и коммуникативных механизмов, благодаря которым мошенническая схема становится убедительной, устойчивой и массовой. Пока эта среда воспринимается как набор частных эпизодов, сохраняется соблазн недооценивать ее разрушительный потенциал. Но в действительности перед нами - **организованная экосистема символического принуждения**, где ложь маскируется под знание, реклама - под рекомендацию, координация - под спонтанность, а преступный расчет - под заботу о пользователе. Именно поэтому Телеграм следует рассматривать как один из ключевых объектов современного криминологического, правового и социокоммуникативного анализа. Не потому, что сама площадка исчерпывается преступностью, а потому, что именно в ее пределах с особой наглядностью проявился новый исторический тип мошеннического воздействия: быстрый, многослойный, репутационно опосредованный, психологически точный и потому особенно опасный для широких слоев общества.

Отдельного и предельно обстоятельного рассмотрения требует корпус повествований, посвященных так называемым программам **стейкинга**, «заморозке средств ради дохода», «подключению к внутреннему вознаграждению сети», а также иным формам якобы пассивного прироста цифровых активов. Уже на уровне понятийного аппарата здесь необходимо

сохранять повышенную строгость и юридическую сдержанность. **Недопустимо** без достаточной совокупности доказательств утверждать о соучастии конкретной площадки, расчетной системы, посреднического узла или технического оператора в хищении имущества пользователей. Подобные утверждения требуют не публицистической интонации, а процессуально значимой доказательственной базы, включающей сведения о фактическом контроле над адресами, маршрутах движения средств, распределении ролей между участниками схемы, согласованности их действий и наличии умысла. Однако из этого вовсе не следует, будто исследователь, правоприменитель или эксперт обязан воздерживаться от более общих и в то же время принципиально важных констатаций. **Вполне допустимо и научно необходимо** указывать на иное: вокруг тематики «пассивного дохода» в цифровой среде сложилась исключительно благоприятная среда для злоупотреблений, а сама конструкция обещаемого вознаграждения стала одной из наиболее удобных масок для систематического введения граждан в заблуждение.

Смысл этой среды состоит не только в технической сложности соответствующих процедур, но прежде всего в особом режиме восприятия, в котором оказывается потерпевший. Ему предлагают не простую передачу денежных средств третьему лицу и не прямой призыв к сомнительной спекуляции, а внешне благопристойную, почти бюрократически упорядоченную модель участия в некоем «внутреннем механизме» цифровой системы. В сознании человека формируется представление, будто он не отдает имущество неизвестным лицам, а всего лишь временно переводит его в особый режим хранения, подтверждения операций, поддержания вычислительной инфраструктуры либо иного «служебного» назначения, за что система якобы закономерно начисляет вознаграждение. **В этом и заключается одна из ключевых опасностей:** преступное воздействие маскируется под технологическую процедуру, а заведомо рискованная передача контроля над имуществом описывается языком нейтральной технической необходимости.

Такое описание нередко строится на полуистинах, в чем и состоит его особая разрушительная сила. В цифровых расчетных системах действительно могут существовать механизмы, предусматривающие вознаграждение за участие в подтверждении операций, поддержании устойчивости распределенной записи или ином функциональном участии в жизни сети. Но именно эта ограниченная, специальная и технически обусловленная реальность служит материалом для последующей манипуляции. Из нее вырывают несколько терминов, освобождают их от контекста, упрощают до предела, а затем превращают в универсальную приманку для массового пользователя. **Научная добросовестность требует подчеркнуть:** там, где лицо не понимает правового режима передаваемого имущества, не контролирует порядок его блокирования и разблокирования, не может

проверить источник обещанной доходности, не обладает возможностью самостоятельно удостовериться в подлинности технической процедуры и вынужден целиком полагаться на слова посредника, там пространство гражданского оборота стремительно превращается в пространство криминогенного риска.

Особенно показательны, что злоупотребления в данной сфере строятся не на одной, а сразу на нескольких взаимно усиливающих друг друга формах подмены. Пользователю могут предлагаться «официальные» либо «полуофициальные» формы участия, внешне соотносимые с известной площадкой, расчетной средой или распространенным цифровым активом. Используется сходство наименований, повторяются цветовые решения, имитируются эмблемы, стилизуются платежные страницы, воспроизводится лексика уведомлений и служебных сообщений. Создаются ложные учетные записи сопровождения, изображающие представителей службы помощи, казначеев сообщества, кураторов распределения вознаграждений, технических администраторов. Адреса для перечисления средств подменяются на этапе переписки или копируются в таком виде, чтобы потерпевший не заметил замену одного или нескольких знаков. Конструируются мнимые расчетные окна и поддельные интерфейсы начисления дохода, в которых рост баланса отображается как уже свершившийся факт, хотя на деле перед пользователем лишь зрительная декорация, не связанная ни с каким реальным имущественным правом. **Иначе говоря**, жертву погружают в искусственно созданную среду правдоподобия, где каждая отдельная деталь может показаться незначительной, но вся их совокупность действует с точностью хорошо выстроенного механизма убеждения.

Здесь необходимо особо подчеркнуть: решающее значение имеет не только техническая фальсификация как таковая, но и последовательное уничтожение у потерпевшего способности различать уровни правовой и фактической реальности. Для неподготовленного лица грань между законным функционалом площадки, сомнительной посреднической услугой и откровенным хищением оказывается не просто неясной, а **намеренно размытой**. Именно намеренность этой размытости заслуживает отдельного внимания. Речь идет не о стихийной путанице, возникающей вследствие сложности новых расчетных механизмов, а о целенаправленном использовании такой сложности в качестве орудия преступного воздействия. Чем менее различимы правовые статусы участников, чем более неопределенно распределены полномочия, чем гуще туман терминов и псевдотехнических объяснений, тем легче склонить человека к передаче имущества, не оставляя у него ощущения, что он вступает в опасное или незаконное отношение. **Размывание границ становится не побочным эффектом, а основным способом хищения.**

В научном описании данных практик особенно важно показать, что обещание дохода выполняет здесь не только побудительную, но и оправдательную функцию. Потерпевшему сообщают, что временная недоступность средств - признак серьезности процедуры; что невозможность немедленного вывода активов обусловлена «внутренним периодом удержания»; что дополнительные перечисления требуются для «подтверждения статуса», «активации начислений», «разблокирования вознаграждения», «допуска к повышенному коэффициенту». Таким образом, каждый последующий этап извлечения средств заранее обеспечен языковым прикрытием. Если первоначальный перевод еще может восприниматься как рискованный, то последующие перечисления уже подаются как неизбежное продолжение ранее начатой, якобы законной процедуры. **Жертву втягивают в цепь самообоснования**, где признание обмана психологически становится все более тяжелым, а потому вероятность новых переводов, вопреки здравому смыслу, возрастает.

Не менее существенным является и то обстоятельство, что подобные схемы процветают не в безвоздушном пространстве, а в среде мгновенной переписки, где скорость коммуникации, множественность каналов связи и распыление ответственности создают для злоумышленников поистине исключительные условия. В мессенджерной среде особенно ярко проявляется еще одна черта современных преступных сетей - их способность сращивать имущественное посягательство с устойчивой системой информационного воздействия. Перед нами уже не единичный акт обмана в его классическом виде, а **сложный социально-психологический конструкт**, в котором хищение обеспечивается не только ложным фактом, но и целым мировоззренческим каркасом. Человеку продают не просто услугу, не просто участие в сомнительном механизме и не просто надежду на доход. Ему продают картину мира.

Эта картина мира выстроена по законам квазирелигиозной мобилизации сознания. Традиционные финансовые учреждения объявляются архаичными и обреченными; государственное регулирование изображается бессильным, запоздалым или принципиально неспособным понять новые формы обращения ценностей; право представляется тяжеловесным и чуждым «новой реальности»; осторожность клеймится как невежество; сомнение - как проявление умственной отсталости или упущенной исторической возможности. Напротив, те, кто уже «вошел в систему», «понял эпоху», «успел присоединиться», предстают в роли посвященных, видящих то, что скрыто от большинства. **Так создается опаснейший культ избранности**, в котором доверие переносится с институтов, проверяемых процедур и формальных гарантий на фигуры самозванных проводников, наставников и «тех, кто уже заработал».

Следует со всей определенностью указать, что подобная риторика не является простой рекламой в ее обычном хозяйственном смысле. Реклама

стремится выделить товар, услугу или участника рынка среди конкурентов; идеологическая оболочка преступления стремится к иному - к предварительному обезоруживанию критики. Она действует на опережение. Еще до того, как у потерпевшего возникнут вопросы о правовом статусе посредника, источнике доходности, распределении рисков, порядке хранения активов, юрисдикции спора, пределах ответственности и технической проверяемости операций, ему уже внушают, что все такие вопросы исходят из «устаревшего мышления». Еще до того, как он обратится к юристу, специалисту по расчетам или представителю законной площадки, ему заранее объясняют, что «старые институты» ничего не понимают в «новой эпохе». **Это не сопровождение обмана, а его предварительное стратегическое обеспечение.**

Отсюда проистекает и особая общественная опасность рассматриваемых практик. Они посягают не только на имущество конкретного лица, но и на саму способность гражданина ориентироваться в критериях надежности, законности и доказуемости. Когда обман систематически оформляется как прогрессивное знание, а нарушение элементарных правил имущественной осторожности преподносится как признак интеллектуальной смелости, под удар ставится уже не один потерпевший, а фундамент общественного доверия к праву как к форме разумного упорядочения отношений. **Преступление стремится выдать себя за историческую неизбежность.** Именно в этом его особый цинизм. Хищение маскируется под будущее, а критика этого хищения - под отсталость.

Для научного журнала принципиально важно зафиксировать: чем интенсивнее преступная среда прибегает к мотивам «новой экономики», «внутреннего вознаграждения», «цифровой свободы», «ухода от посредников» и «дохода без усилий», тем настоятельнее становится требование к строгому разграничению фактов, оценок и доказательств. Нельзя подменять исследование лозунгом, но нельзя и делать вид, будто перед нами морально нейтральный словарь технологических новшеств. За внешней нейтральностью терминов нередко скрывается хорошо выверенная система психологического захвата: сначала человеку обещают доступ к исключительному знанию, затем вовлекают в не до конца понятную процедуру, после чего подменяют правовой анализ эмоциональной лояльностью к сообществу, а в финале используют уже сформированную зависимость от собственной ошибки. **Так формируется замкнутый круг криминогенного доверия**, где каждое новое сомнение подавляется ссылкой на прежние вложения, на мнимый рост баланса, на свидетельства подставных участников и на страх оказаться тем, кто «не выдержал до конца».

В этом контексте исследовательская осторожность должна сочетаться с риторической ясностью. Следует избегать голословных обвинений в адрес конкретных площадок, если отсутствуют проверенные сведения об их

прямой вовлеченности в хищение. Но столь же недопустимо смягчать очевидное: сфера обещаемого пассивного прироста цифровых активов стала одним из наиболее удобных полей для эксплуатации доверчивости, правовой неосведомленности и психологической уязвимости граждан. Здесь паразитируют на сложности расчетных механизмов, на дефиците специальных знаний, на авторитете визуального сходства, на привычке доверять «служебному» тону переписки и на глубинном желании человека поверить, что доход может быть одновременно высоким, устойчивым, легким и практически лишенным риска. **Именно это сочетание обещания, туманности и псевдокомпетентности делает рассматриваемую среду столь опасной.**

Поэтому квалифицированный анализ подобных практик должен исходить из того, что перед нами не набор случайных эпизодов и не просто череда бытовых обманов в новом техническом оформлении. Перед нами - особый тип преступной коммуникации, в котором терминология цифровых расчетов соединяется с приемами символического подражания, эмоционального заражения, подставного авторитета и идеологического внушения. Его цель состоит не только в завладении имуществом, но и в предварительном разрушении тех внутренних защитных механизмов, благодаря которым человек обычно отличает проверяемое от непроверяемого, законное от сомнительного, профессиональную консультацию от навязчивой агитации. **Там, где уничтожается сама способность различения, хищение становится почти незаметным до тех пор, пока утрата имущества уже не приобретет необратимый характер.**

Именно поэтому рассматриваемый феномен должен быть описан не как экзотическое следствие технического прогресса, а как закономерный результат соединения трех сил: высокой сложности цифровой среды, низкой правовой и финансовой подготовки значительной части пользователей и агрессивной адаптивности преступных сетей, умеющих облекать старые формы хищения в новейшие словесные и зрительные оболочки. В этом соединении рождается одна из наиболее тревожных форм современного имущественного посягательства. Ее опасность тем выше, чем убедительнее она говорит языком новизны, свободы и избранности. И если наука, право и общество не научатся распознавать эту оболочку во всей ее риторической и технологической изоэщенности, то преступление и далее будет приходить к человеку под видом просвещения, дохода и приобщения к будущему. **В этом состоит главный вывод: идеологизация обмана сегодня стала не внешним украшением преступной схемы, а ее внутренним несущим каркасом.**

Социальная инженерия в элитной оболочке: офисы, охрана, публичные выступления и культ респектабельности

Одна из наиболее тревожных и в то же время наименее правильно распознаваемых тенденций современной преступности заключается в глубоком преобразовании самого облика мошеннической деятельности. Если прежде общественное воображение связывало обман преимущественно с подпольем, с неопрятной конспирацией, с подчеркнутой скрытностью и очевидной незаконностью, то в настоящее время значительная часть преступных схем выстраивается по прямо противоположному принципу. **Современное мошенничество все чаще стремится не скрыть признаки благопристойности, а присвоить их себе.** Оно не избегает внешних форм порядка, а тщательно воспроизводит их; не отталкивает потенциальную жертву грубостью и хаосом, а, напротив, окружает ее атмосферой деловитости, организованности и кажущейся правомерности. В этом состоит одна из важнейших особенностей нынешнего этапа развития обманных практик: **преступный умысел маскируется не отсутствием институциональных признаков, а их демонстративным избытком.**

Именно поэтому мошенники арендуют добротные помещения в деловых частях города, размещаются в зданиях с ухоженными входными группами, охраняемыми проходными, приемными зонами, комнатами для переговоров, вывесками, внутренними правилами допуска и иными внешними атрибутами устойчивой организации. Внутреннее пространство таких структур нередко выстроено с поразительной тщательностью: посетителя встречают секретари, ведется запись на прием, используются унифицированные бланки, на стенах располагаются свидетельства, грамоты, разрешительные документы, иногда - изображения государственных символов, выдержки из законодательства, схемы якобы прозрачной деятельности. Сотрудники отвечают по телефону ровным, уверенным голосом, избегают суеты, демонстрируют владение профессиональной терминологией, действуют по заранее отработанному сценарию. Все это создает не просто благоприятное впечатление, а особую психологическую среду, в которой у посетителя постепенно формируется ощущение институциональной надежности. **Человек начинает доверять не содержанию деятельности, а ее внешней постановке.**

В этом и заключается главный расчет. Для значительной части граждан внешний порядок по-прежнему остается одним из сильнейших оснований доверия. Это обстоятельство имеет глубокие социально-психологические корни. В повседневной жизни человек вынужден постоянно прибегать к упрощающим признакам оценки: он не может всякий раз проводить полноценную правовую, финансовую и организационную проверку каждого контрагента, а потому опирается на внешние сигналы, которые традиционно ассоциируются с законностью и добросовестностью. Хорошее здание, охрана на входе, аккуратный интерьер, выдержанный стиль

общения, упорядоченный документооборот, наличие печатей, удостоверений, служебных обозначений - все это воспринимается как подтверждение серьезности намерений. Между тем подобное восприятие основано на опасном смещении формы и сущности. **Наличие офиса доказывает лишь наличие офиса; наличие охраны доказывает лишь наличие охраны; наличие делового ритуала доказывает лишь умение его воспроизводить.** Ни одно из этих обстоятельств само по себе не подтверждает законности финансовых операций, действительности разрешительных документов, подлинности заявленного вида деятельности, прозрачности внутренних процедур, достоверности отчетности и, наконец, отсутствия преступного замысла.

Более того, необходимо подчеркнуть, что внешняя респектабельность в рассматриваемых случаях нередко является не побочным признаком, а центральным орудием преступления. Она выполняет функцию психологического разоружения. Потенциальная жертва, оказавшись в пространстве подчеркнутого порядка, перестает ожидать опасность там, где она в действительности и сосредоточена. **Мошенничество нового типа действует не вопреки доверию к социальным институтам, а паразитирует на нем.** Оно использует глубоко укоренившуюся у граждан установку: если деятельность столь явно и спокойно осуществляется на виду, если она сопровождается привычными признаками делового быта, значит, она уже кем-то проверена, допущена, признана и, следовательно, не представляет непосредственной угрозы. Именно эта логика и оказывается смертельно уязвимой. Преступник не разрушает привычные критерии надежности, а подменяет их содержательно пустыми, но впечатляющими оболочками.

Особую опасность представляет то обстоятельство, что такая имитация законности действует сразу на нескольких уровнях восприятия. Во-первых, она воздействует зрительно: помещение, одежда, мебель, документы, вывески, служебные кабинеты, оргтехника создают материальную картину устойчивого дела. Во-вторых, она воздействует речевым способом: размеренная интонация, юридически окрашенные формулировки, ссылки на порядок работы, внутренние регламенты и мнимые требования законодательства придают разговору вид компетентного профессионального общения. В-третьих, она действует через социальное подражание: человек видит других посетителей, сотрудников, помощников, иногда - целенаправленно созданную очередь, слышит деловые переговоры, наблюдает видимость интенсивной работы и делает вывод, что перед ним действительно функционирующая организация. В-четвертых, она использует временной фактор: жертве дают возможность постепенно привыкнуть к пространству и лицам, чтобы доверие возникло не мгновенно, а как будто естественно и самостоятельно. **Чем естественнее человеку кажется возникшее доверие, тем труднее ему признать, что это доверие было заранее спровоцировано и рассчитано.**

В научно-практическом отношении здесь следует говорить о целенаправленном конструировании ложной институциональной легитимности. Преступная группа стремится не только предложить жертве невыгодную или фиктивную сделку, но и встроить эту сделку в декорацию правомерного хозяйственного оборота. Тем самым обман приобретает качественно иную устойчивость. Если примитивная ложь может быть разоблачена одним уточняющим вопросом, то ложь, окруженная множеством согласованных внешних признаков, сопротивляется сомнению значительно дольше. Человеку психологически трудно усомниться сразу во всем: и в помещении, и в документах, и в манере общения, и в поведении сотрудников, и в формальной открытости деятельности. **Масштаб инсценировки начинает восприниматься как доказательство подлинности**, хотя в действительности он может быть лишь доказательством того, что преступление заранее и тщательно подготовлено.

Не менее значимой составляющей указанной тенденции является публичная активность лиц, вовлеченных в подобные схемы. Их участие в форумах, круглых столах, конференциях, отраслевых встречах, экспертных обсуждениях и иных общественных мероприятиях, посвященных обороту цифровых активов и сопутствующим финансовым отношениям, создает вокруг них ореол признанности и допустимости. Появление на сцене, присутствие у выставочного места, включенность в дискуссию, соседство с микрофоном, упоминание в программе мероприятия, фотографирование с иными участниками - все это производит мощный символический эффект. **Публичное присутствие начинает ошибочно восприниматься как косвенное подтверждение добросовестности**. Для широкой аудитории участие в профессиональном обсуждении нередко означает принадлежность к законной отрасли, хотя в действительности между публичной видимостью и правовой чистотой деятельности нет автоматической связи.

Этот переход от фигуры подозрительного субъекта к фигуре «представителя отрасли» чрезвычайно опасен. Он разрушает базовый инстинкт осторожности. У потенциальной жертвы исчезает естественный защитный вопрос: если передо мной преступник, почему он действует так открыто, так уверенно, столь демонстративно не прячься? Но именно здесь раскрывается новый уровень цинизма современного обмана. **Открытость используется как маска неприкосновенности**. Расчет строится на том, что обычный человек склонен считать публичность противоположностью преступности, тогда как в действительности публичность может быть лишь одним из инструментов ее прикрытия. Более того, открытость в таких случаях приобретает характер наступательной стратегии: чем заметнее субъект в публичном пространстве, тем сильнее создается впечатление, будто ему нечего скрывать и будто сама видимость доступности уже исключает преступный характер деятельности.

Следует особо отметить, что участие в публичных мероприятиях выполняет сразу несколько функций. Оно обеспечивает социальное «отбеливание» репутации, формирует круг потенциальных клиентов и доверенных посредников, дает возможность ссылаться на собственную известность, создает архив визуальных доказательств кажущейся респектабельности и, наконец, связывает преступника с более широким профессиональным полем, в котором он начинает восприниматься не как исключение, а как один из множества действующих лиц. В дальнейшем эти изображения, видеозаписи, упоминания в программах и списках участников используются в переговорах с новыми жертвами как подтверждение якобы признанного статуса. **Сам факт присутствия на публичной площадке превращается в суррогат репутации**, хотя никакой действительной проверки правомерности деятельности это присутствие, как правило, не означает.

Здесь обнаруживается важный общественный парадокс. В нормальном гражданском обороте открытость, публичная отчетность, участие в профессиональном обсуждении и готовность к коммуникации действительно могут рассматриваться как положительные признаки. Однако в условиях усложнившейся преступной среды те же признаки уже не обладают прежней самоочевидной доказательной силой. Преступные субъекты научились присваивать не только язык законности, но и ее ритуалы, не только символы компетентности, но и механизмы общественного признания. **Отсюда вытекает принципиально важный вывод: ни внешняя упорядоченность, ни публичная заметность более не могут считаться достаточными основаниями доверия.** Там, где ранее человеку казалось, что он видит гарантию надежности, сегодня он нередко видит лишь более искусную форму маскировки.

Сказанное требует и более широкого социального осмысления. Перед нами не частный технический прием отдельных преступников, а симптом опасного сдвига в культуре обмана. Если прежние формы мошенничества строились главным образом на прямой лжи и сокрытии, то новые формы все чаще основаны на театрализации законности. Преступник перестает выглядеть как нарушитель порядка; он стремится выглядеть как его представитель, а иногда - как его ревностный защитник. Он говорит о правовом регулировании, о прозрачности, о надежности, о защите интересов клиентов, о соблюдении процедур. Он может ссылаться на развитие новых финансовых отношений, на сложность правовой среды, на необходимость профессионального посредничества. И чем убедительнее он воспроизводит эти речи, тем труднее неспециалисту отличить осведомленность от манипуляции, компетентность от актерства, правомерность от ее сценической имитации. **Наиболее опасен сегодня не тот обман, который выглядит как обман, а тот, который выглядит как образцовый порядок.**

Именно поэтому противодействие подобным практикам не может ограничиваться призывами к общей бдительности в их поверхностном, бытовом понимании. Нужна последовательная переоценка самих критериев доверия. Гражданин должен исходить из того, что помещение, охрана, приемная, официальная одежда, уверенная речь, участие в конференции, фотографии с публичных мероприятий, упоминания в деловой среде и иные знаки внешней признанности являются не доказательствами законности, а лишь обстоятельствами, требующими дополнительной проверки. Правовое положение организации должно устанавливаться не по интерьеру, а, по достоверным сведениям, из официальных источников; наличие разрешений - не по копиям на стене, а по их действительности и объему; финансовая надежность - не по впечатлению от переговоров, а по структуре операций, документально подтвержденной ответственности и реальной проверяемости обязательств. **Доверие должно сместиться с театра формы на проверку существа.**

В конечном счете речь идет о защите не только имущественных интересов граждан, но и самой способности общества различать подлинную институциональность и ее преступную имитацию. Там, где мошенник беспрепятственно надевает маску респектабельности, под удар ставится не отдельная жертва, а общественное доверие как таковое. Каждый подобный случай разрушает уверенность в ценности внешних признаков порядка, подрывает авторитет добросовестных участников оборота, усиливает атмосферу всеобщего подозрения и, что особенно опасно, нормализует мысль о том, что благопристойный облик может быть всего лишь разновидностью преступного инструментария. **Это уже не просто обман частных лиц; это подрыв самой социальной ткани доверия.** Поэтому разоблачение подобных механизмов - не факультативная задача, а насущная обязанность правовой науки, правоприменительной практики и общественного просвещения. Пока общество продолжает безоговорочно верить фасаду, фасад будет оставаться одним из самых прибыльных орудий преступления.

Почему жертвами становятся обеспеченные и внешне рациональные люди

Расхожее мнение о том, что жертвой мошенничества становится преимущественно человек наивный, неискушенный и малообразованный, не просто неверно - **оно общественно опасно.** Подобное представление искажает саму природу преступного воздействия, подменяя серьезный разговор о психологических механизмах обмана удобным и успокаивающим мифом. Пока человек убежден, что преступники охотятся исключительно за доверчивостью в ее грубой и очевидной форме, он не замечает куда более существенного обстоятельства: **мошенничество поражает не только слабость, но и силу; не только неосведомленность, но и уверенность; не только бедность, но и благополучие.** В этом состоит одна из самых коварных особенностей современных преступных схем. Они

направлены не на абстрактную «глупость» потерпевшего, а на универсальные свойства человеческого сознания - на стремление к последовательности, на веру в собственную способность распознавать угрозу, на желание сохранить достоинство, положение и контроль над происходящим.

Именно поэтому социально благополучные, обеспеченные, профессионально состоявшиеся люди нередко оказываются не случайной, а **приоритетной целью** для организаторов сложных мошеннических построений. Речь идет не о парадоксе, а о закономерности. Там, где сосредоточены средства, репутационный капитал, широкие связи, привычка к самостоятельному принятию решений и убежденность в собственной компетентности, там для преступника возникает особенно благоприятная среда. Внешне такой человек выглядит защищенным: он обладает опытом, образованием, доступом к сведениям, нередко занимает ответственное положение, умеет вести переговоры и привык оценивать риски. Однако именно эти качества при определенных обстоятельствах могут быть обращены против него. **Мошенник не ломает личность грубой силой; он заставляет ее работать против самой себя.** Он не всегда требует немедленного подчинения. Напротив, он создает у потерпевшего ощущение, что тот действует свободно, разумно, расчетливо и даже с выгодой для себя.

Особая привлекательность обеспеченного человека для преступника прежде всего определяется тем, что он обладает ресурсом для неоднократного извлечения средств. В отличие от разового хищения у случайной жертвы, воздействие на материально благополучного потерпевшего может строиться как длительный процесс, последовательно разворачивающийся во времени. Изъятие средств в таких случаях редко ограничивается одним переводом, одной сделкой или одной уступкой. Напротив, преступная схема часто организована как цепь логически связанных требований, каждое из которых кажется продолжением предыдущего и потому не воспринимается как окончательная катастрофа. Сначала предлагается сравнительно умеренное участие, затем возникает необходимость «подтвердить серьезность намерений», потом - «закрепить достигнутый результат», «защитить вложенное», «завершить процедуру», «устранить возникшее препятствие». Так складывается постепенное втягивание, при котором человек теряет средства не одномоментно, а порциями, каждая из которых на фоне уже вложенного начинает казаться психологически допустимой. **Чем больше у жертвы ресурсов, тем дольше преступник способен поддерживать иллюзию обратимости ситуации и тем шире становится поле для повторного взыскания денег.**

Но материальный ресурс - лишь одна сторона вопроса. Не менее важна психологическая установка, свойственная многим людям, достигшим заметного социального положения. Такие лица зачастую действительно

обладают высокой степенью личной собранности, профессиональной дисциплины и практической проницательности. Они привыкли принимать решения без посторонней опеки, ориентироваться в сложных обстоятельствах, нести ответственность за последствия своих действий. Это качество само по себе ценно, однако в условиях преступного воздействия оно может породить опасную самоуверенность. **Чем тверже человек убежден, что его трудно обмануть, тем меньше внимания он уделяет ранним признакам манипуляции.** Он не соотносит себя с образом «типичной жертвы», а потому зачастую не включает внутренние механизмы настороженности там, где это особенно необходимо. Иначе говоря, уязвимость возникает не из отсутствия ума, а из избыточного доверия к собственным защитным способностям.

Здесь действует тонкий, но чрезвычайно важный психологический закон. Человек, считающий себя компетентным, склонен воспринимать собственное первое впечатление как особенно надежное. Если собеседник говорит уверенно, владеет профессиональной лексикой, выдерживает должный тон, демонстрирует знание социальных кодов и умело воспроизводит признаки законности, то критическая проверка может ослабевать. Потерпевший не говорит себе: «Я верю без оснований». Он говорит себе нечто иное: «Я умею отличать серьезное от несерьезного; раз это не вызывает у меня сомнений, значит, ситуация контролируема». Так возникает одна из центральных иллюзий мошеннического воздействия - **иллюзия личного контроля.** Человек убежден, что не становится объектом чужой воли, а осуществляет собственный взвешенный выбор. Преступнику именно это и нужно: не подавить сопротивление открыто, а растворить его в ощущении рациональности происходящего.

Особое значение для социально благополучной аудитории имеют знаки исключительности и статуса. Для многих обеспеченных людей существенны не только деньги как таковые, но и формы обращения с ними, подчеркивающие особое положение: закрытый доступ, специальный порядок обслуживания, персональное сопровождение, не для всех открытые возможности, конфиденциальные условия, решение вопроса вне общих процедур. В подобной сфере преступное воздействие приобретает особенно изощренный характер. Мошенник редко выступает в роли грубого навязчивого просителя. Он, напротив, создает атмосферу уважения к положению потенциальной жертвы. Он не «втягивает» - он будто бы **допускает.** Не «уговаривает» - а «предоставляет редкую возможность». Не «давит» - а «оказывает доверие». Эта интонационная подмена имеет огромную силу. Человек начинает воспринимать контакт не как подозрительное предложение извне, а как знак признания собственного уровня, компетентности и принадлежности к особому кругу.

Именно поэтому риторика исключительности столь часто присутствует в сложных преступных схемах. Потерпевшему внушают, что перед ним не

массовое предложение, а индивидуально адресованная возможность, доступная немногим. Подчеркиваются закрытость, избранность, особый допуск, личная рекомендация, уважение к статусу, необходимость соблюдения тишины и деликатности. Все это выполняет двойную функцию. С одной стороны, человеку льстит сознание собственной выделенности. С другой - сама исключительность начинает оправдывать отсутствие обычных проверочных процедур. Если нечто подается как редкое и предназначенное для «своих», то недостаток прозрачности уже не кажется тревожным признаком, а наоборот - воспринимается как естественное свойство привилегированного порядка. **Там, где должно было бы возникнуть сомнение, возникает чувство причастности.** В этом и состоит сила манипуляции статусом: преступник эксплуатирует не тщеславие в его поверхностной форме, а глубинную потребность человека видеть подтверждение собственной значимости.

К числу наиболее разрушительных механизмов относится и так называемая ловушка уже понесенных затрат, которая у обеспеченных людей нередко принимает особенно тяжелые формы. Суть ее состоит в том, что человек продолжает поддерживать заведомо неблагоприятную, а порой и явно гибельную линию поведения лишь потому, что в нее уже вложено слишком многое. В бытовом сознании подобное поведение нередко объясняют «жадностью» или «безрассудством», однако такое объяснение поверхностно и несправедливо. В действительности речь идет о сложном внутреннем конфликте между признанием ошибки и стремлением сохранить целостный образ собственной личности. Когда в схему уже внесены значительные средства, человеку трудно принять мысль, что все это было не инвестированием, не расчетом, не стратегией, а результатом преступного обмана. Признание факта мошенничества означает не только фиксацию имущественного ущерба; оно переживается как удар по самоуважению, по представлению о собственной зрелости, опытности и способности видеть людей насквозь.

Для социально благополучного потерпевшего эта проблема усугубляется тем, что в дело почти всегда вплетается репутационный фактор. Потерять деньги тяжело, но для многих еще тяжелее допустить возможность морального и социального унижения. Если человек привык занимать положение советчика, руководителя, знатока, лица, к чьему мнению прислушиваются, то признание собственной уязвимости переживается особенно болезненно. Он начинает спасать уже не только капитал, но и **символический образ самого себя.** В этой точке преступная схема переходит из области финансового посягательства в область личностного порабощения. Каждый новый перевод средств, каждая попытка «исправить ситуацию», каждое согласие на очередное условие может быть продиктовано не надеждой на прибыль как таковую, а отчаянным стремлением не увидеть себя в роли обманутого человека. Парадоксален, но

закономерен тот факт, что именно сильная личность, привыкшая отвечать за свои решения, порой особенно долго сопротивляется признанию того, что стала жертвой чужой манипуляции.

Скрытность от семьи, коллег и деловых партнеров дополнительно укрепляет власть преступной конструкции. Чем меньше людей посвящено в происходящее, тем уже пространство для внешней коррекции заблуждения. Мошенник почти всегда заинтересован в том, чтобы взаимодействие с жертвой было как можно более изолированным. Иногда это достигается через ссылки на конфиденциальность, иногда - через апелляцию к особенному доверию, иногда - через внушение, будто разглашение может «сорвать выгодную возможность» или «вызвать ненужные осложнения». Но независимо от формы результат один: человек остается один на один с искусно организованной версией действительности. **Там, где отсутствует внешний взгляд, внутренняя ошибка быстро превращается в замкнутую систему.** Особенно опасно это для тех, кто по соображениям статуса или самолюбия и без того склонен не выносить свои сомнения на обсуждение.

Отсюда становится понятным, почему некоторые потерпевшие продолжают отправлять деньги даже после появления очевидных тревожных сигналов. Наблюдателю со стороны такое поведение может показаться необъяснимым. Однако оно становится понятным, если увидеть всю совокупность действующих факторов: материальный ресурс, уверенность в собственной компетентности, привязанность к статусным знакам, постепенное наращивание вложений, страх репутационного ущерба, изоляцию от критического окружения, нежелание признать болезненную истину. Человек продолжает действовать не потому, что не видит опасности вовсе, а потому, что признание опасности требует слишком высокой внутренней цены. В какой-то момент выбор переживается уже не как «отправить или не отправить деньги», а как «сохранить надежду на восстановление» или «немедленно признать тяжелое поражение». Психика, стремящаяся избежать разрушительного удара по самооощению, нередко выбирает продление иллюзии. **Так мошенничество питается не слепотой жертвы, а ее мучительной попыткой защитить остатки внутреннего порядка.**

Следовательно, предупреждение подобных преступлений невозможно строить на снисходительном противопоставлении «умных» и «глупых», «успешных» и «простодушных». Такой подход не только научно несостоятелен, но и практически губителен. Он формирует ложное чувство неуязвимости у тех, кто считает себя принадлежащим к числу «неподходящих» жертв, и усиливает стыд у уже пострадавших, препятствуя своевременному обращению за помощью. Между тем эффективная профилактика должна исходить из прямо противоположного понимания: **жертвой сложного мошенничества способен стать практически любой человек, если преступник правильно подберет форму воздействия к его**

ценностям, опыту, уязвимостям и представлению о самом себе. Для одного приманкой становится страх, для другого - доверие к авторитету, для третьего - надежда на редкую возможность, для четвертого - желание сохранить лицо. Универсальной неуязвимости не существует.

Поэтому особенно важно изменить сам общественный язык разговора о мошенничестве. Необходимо отказаться от презрительной интонации, с которой нередко обсуждаются потерпевшие, и заменить ее точным, трезвым, психологически грамотным анализом. Обманутый человек - не карикатурная фигура и не объект для насмешки. Очень часто это лицо с высоким уровнем образования, значительным жизненным опытом, устойчивым социальным положением и развитым чувством ответственности. Именно поэтому его поражение должно восприниматься не как курьез, а как серьезный общественный сигнал. **Если преступник способен убедить даже подготовленного, дисциплинированного и благополучного человека, значит, проблема коренится не в частной «глупости», а в системной силе мошеннического воздействия.** И пока это не будет признано в полной мере, профилактика останется поверхностной, а многие люди - без необходимой внутренней защиты.

В конечном счете главная истина заключается в следующем: мошенничество побеждает не тогда, когда встречает исключительно невежество, а тогда, когда умело приспосабливается к человеческому достоинству, тщеславию, ответственности, надежде, страху и стремлению не утратить контроль. Оно входит не только через дверь слабости, но и через дверь силы. В этом - его подлинная опасность. И потому общество должно усвоить жесткий, но необходимый вывод: **чем выше социальное положение человека, чем крепче его уверенность в собственной рассудительности, чем значительнее его репутационные ставки, тем внимательнее он должен относиться к риску стать объектом сложного преступного обмана.** Лишь отказ от успокаивающих мифов, лишь признание всеобщей человеческой уязвимости перед тонко выстроенной манипуляцией создают почву для подлинно действенной профилактики и для своевременной помощи тем, кто оказался втянут в разрушительную схему.

Выход из деструктивных групп и цепей манипуляции

Один из самых мучительных вопросов для пострадавших и их близких - как вывести человека из состояния зависимости от мошеннической группы, если он уже эмоционально вовлечен, продолжает верить «наставнику» и отвергает доводы семьи. Здесь необходимо отказаться от грубого давления. Прямые обвинения, насмешка, унижение, крик и категорические требования «немедленно опомниться» часто дают обратный эффект. Человек, уже связанный стыдом и надеждой, воспринимает давление как угрозу последнему источнику смысла и уходит в еще большую зависимость от преступников.

Первый шаг - **прекращение канала немедленного воздействия**. Это не всегда означает полное и резкое отключение связи, если оно невозможно. Но необходимо хотя бы временно остановить переводы средств, выдачу секретных данных, выполнение инструкций, установку программ и общение в условиях срочности. Главная задача - вернуть жертве время. Мошенничество живет за счет ускорения; защита начинается с замедления.

Второй шаг - **восстановление внешней реальности**. Потерпевшему важно не читать морали, а помогать проверять факты: юридический статус площадки, действительность адресов, историю домена, наличие независимых упоминаний, признаки массовых жалоб, несоответствия в документах, отсутствие подтверждаемой выводимости средств. Когда критика опирается не на общие слова, а на конкретные проверяемые факты, шансы на восстановление критичности возрастают.

Третий шаг - **снятие парализующего стыда**. Человеку необходимо прямо сказать, что высокоинтеллектуальные, организованные схемы рассчитаны на нормальные механизмы психики и что факт попадания в них не означает глупости или моральной ущербности. Пока пострадавший чувствует себя униженным, он будет защищать не мошенников, а остатки собственного достоинства - и тем самым невольно останется на их стороне.

Четвертый шаг - **разделение проблемы на уровни**. Нужно отдельно обсуждать похищенные средства, отдельно - психологическое состояние, отдельно - правовые действия, отдельно - цифровую безопасность. Когда все смешивается в один ком ужаса, человек впадает в ступор. Когда проблема разложена, появляется возможность действовать последовательно: сохранить доказательства, уведомить банк, сменить доступы, отключить вредоносные разрешения, собрать переписку, обратиться за правовой консультацией, ограничить новые контакты со схемой.

Пятый шаг - **помощь близких без присвоения контроля**. Если родственники полностью отнимают у человека право голоса, он может тайно вернуться к мошенникам, поскольку именно они будут казаться ему единственными, кто его «понимает». Гораздо эффективнее совместное принятие решений, при котором жертва сохраняет субъектность, но получает защитный контур и внешнюю проверку.

В тяжелых случаях необходима **психологическая помощь**, особенно если у потерпевшего развились бессонница, тревога, панические реакции, навязчивое перечитывание переписок, расстройства аппетита, ощущение полного жизненного краха или суицидальные мысли. Финансовое преступление в таких ситуациях перестает быть только имущественным эпизодом и превращается в травматическое событие, затрагивающее личность целиком.

Почему возврат средств чаще всего не работает на практике

Одна из наиболее болезненных тем в обсуждении преступлений, связанных с хищением денежных средств и цифровых имущественных ценностей, - **вопрос об их возврате**. Именно в этом месте необходима не утешительная риторика, не торговля ложной надеждой, а предельная научная и нравственная честность. В массовом сознании по-прежнему живет опасное заблуждение, будто после обнаружения обмана существует некий понятный, почти механический путь к восстановлению утраченного имущественного положения: достаточно обратиться к «знающим людям», подать «правильное заявление», направить «специальный запрос», и похищенное будет возвращено. Однако реальная правоприменительная, техническая и организационная картина значительно суровее. **В подавляющем большинстве случаев обещания легкого, быстрого или тем более гарантированного возврата похищенных средств не соответствуют действительности.** Более того, вокруг фигуры потерпевшего сложился целый паразитарный слой вторичного злоупотребления: человека, уже пережившего имущественную утрату, психологический шок и подрыв доверия, нередко повторно вовлекают в обман уже под видом «специалистов по возврату», «международных правовых посредников», «аналитиков транзакций», «представителей надзорных органов» и иных мнимых спасителей.

Подобное положение дел требует не только описания, но и принципиального осмысления. **Низкая практическая результативность возврата похищенных средств объясняется не одной причиной, а совокупностью обстоятельств технического, правового, организационного, доказательственного и психологического порядка.** Если не раскрыть эту совокупность во всей полноте, общество обречено на постоянное воспроизводство ложных ожиданий, а значит - и на новые волны разочарования, недоверия и повторной виктимизации. Вопрос здесь стоит не только о деньгах как таковых. Он касается самой способности права и государства отвечать на вызовы новой преступной среды, в которой скорость перемещения активов, размытость территориальных границ и анонимизирующие механизмы нередко опережают традиционные формы реагирования.

Первая фундаментальная причина заключается в технической и юрисдикционной раздробленности движения средств. Современные хищения крайне редко ограничиваются простым линейным переводом от потерпевшего к злоумышленнику. Напротив, преступная схема строится таким образом, чтобы уже в первые минуты после получения средств затруднить их идентификацию, расчленив поток на множество частей, направить его через цепочки адресов, промежуточных счетов, обменных узлов, расчетных посредников, децентрализованных протоколов, внебиржевых обменов, номинальных держателей и сервисов, размещенных

в различных государствах либо сознательно избегающих определенной территориальной привязки. В результате перед лицом правоприменителя возникает не единый объект взыскания, а рассредоточенная сеть перемещений, где каждый следующий участок цепи может регулироваться иным национальным правом, иными стандартами идентификации личности, иными сроками ответа на запросы и иными основаниями для блокировки.

Эта раздробленность имеет не отвлеченное, а предельно практическое значение. Даже если движение активов частично прослеживается, сама по себе прослеживаемость еще не тождественна возможности возврата. **Установить маршрут - не значит получить рычаг останова.** Можно видеть, как похищенные средства дробятся, смешиваются с иными имущественными массами, переводятся в другие формы имущественной ценности, проходят через сервисы конвертации, распределяются между множеством адресов или выводятся на площадки, не заинтересованные в быстром и содержательном взаимодействии с потерпевшим или следствием. Каждое такое звено увеличивает не только техническую сложность, но и временную дистанцию между моментом хищения и шансом на эффективное вмешательство. А время в подобных делах имеет почти фатальное значение: чем быстрее рассеивается имущественный след, тем слабее вероятность фактического изъятия или замораживания активов.

Юрисдикционная множественность усугубляет проблему. Запрос о содействии может требовать соблюдения сложных международных процедур, перевода документов, подтверждения процессуального статуса заявителя, прохождения межведомственных каналов, ожидания формальных ответов, а иногда - преодоления прямого отказа в сотрудничестве. Преступник, напротив, действует в ином временном режиме: ему достаточно нескольких минут или часов, чтобы выстроить цепь перемещений, последствия которой будут распутываться месяцами. **Здесь обнаруживается болезненный разрыв между мгновенностью преступного действия и медлительностью институционального ответа.** Именно этот разрыв и составляет одну из ключевых причин того, почему надежда на последующее чудесное возмещение столь часто оказывается иллюзией.

Вторая причина связана с необратимостью значительного числа операций. В традиционной банковской среде у гражданина выработано представление о том, что спорный платеж можно отменить, отозвать, оспорить, заблокировать или вернуть при наличии заявления, подтверждения мошенничества и участия кредитной организации. Но в сфере цифровых имущественных ценностей многие переводы после их надлежащего подтверждения не обладают свойством простой обратимости. Техническая запись фиксирует сам факт совершенного распоряжения, и если операция получила подтверждение в соответствующей системе учета, ее последующее аннулирование, как правило, не является обычной процедурой. **То, что**

воспринимается потерпевшим как очевидная несправедливость, с точки зрения технической фиксации часто выглядит как завершенное и формально корректное волеизъявление.

Эта коллизия между материальной правдой и технической формой особенно трагична в тех случаях, когда потерпевший сам, находясь под воздействием обмана, психологического давления, ложной срочности или искусственно созданного доверия, утвердил вредоносное действие: ввел код подтверждения, подписал транзакцию, предоставил доступ к учетной записи, самостоятельно отправил средства на указанный адрес, согласился на установку программ удаленного управления, перевел деньги якобы для «верификации», «разморозки», «подтверждения личности» или «обеспечения безопасного перевода». С человеческой, нравственной и уголовно-правовой точки зрения перед нами - обман и хищение. Но с позиции сухой технической записи операция нередко выглядит как добровольно подтвержденная. Это не уничтожает факт преступления, но резко усложняет спор о возврате, поскольку формальные признаки принудительного списания могут отсутствовать.

Именно здесь становится особенно очевидной ограниченность бытового мышления, согласно которому всякая несправедливость автоматически влечет простое восстановление прежнего положения. Право требует доказывания, техника фиксирует форму действия, площадки оценивают соблюдение своих регламентов, а следствие нуждается в конкретной доказательственной базе. **Там, где потерпевший был введен в заблуждение, но лично подтвердил операцию, пространство для немедленного оспаривания существенно сужается.** Поэтому лозунги о «стопроцентном возврате» в подобных ситуациях - не просто профессиональная недобросовестность, а фактическое использование правовой неграмотности и эмоциональной уязвимости человека.

Третья причина состоит в ограниченности и институциональной направленности реакции площадок, через которые могли пройти похищенные активы. В общественном восприятии крупная биржевая, обменная или расчетная площадка нередко представляется как естественный союзник потерпевшего: если активы где-то появились, значит, их можно немедленно заблокировать и вернуть владельцу. Но такая картина чрезмерно упрощена. Любая площадка действует прежде всего в пределах собственных внутренних правил, договорных условий, процедур идентификации, стандартов взаимодействия с органами власти и политики управления рисками. Ее первоочередная задача заключается не в восстановлении имущественного положения конкретного гражданина как такового, а в соблюдении собственного регламента, минимизации собственной ответственности, предотвращении злоупотреблений в отношении самой площадки и выполнении обязательных требований той юрисдикции, в которой она действует или с которой связана.

Из этого следует крайне важный вывод: даже наличие известной площадки в преступной цепи само по себе не означает высокой вероятности возврата. Во-первых, активы могут находиться там лишь кратчайшее время, после чего злоумышленник успевает их вывести, обменять, перераспределить или конвертировать в иную форму. Во-вторых, блокировка зачастую требует не эмоционального рассказа потерпевшего, а четко оформленного обращения, идентификации спорной операции, подтверждения связи заявителя с похищенными средствами, иногда - официального запроса уполномоченного органа. В-третьих, даже при добросовестном поведении площадки ее реакция ограничена фактическим наличием активов на подконтрольных ей счетах или адресах. Если к моменту рассмотрения обращения средства уже выведены, юридическая и техническая возможность воздействия может оказаться утраченной.

Особенно драматично то, что **окно для реальной блокировки зачастую исчисляется не неделями, а часами, иногда минутами.** Между тем потерпевший нередко осознает факт хищения не сразу. Сначала его удерживают в состоянии ложной надежды, обещают поступление прибыли, убеждают в необходимости дополнительных действий, создают иллюзию временной технической задержки, ссылаются на «службу безопасности», «финансовый контроль», «налоговую проверку» или «международный перевод». В итоге время уходит именно тогда, когда оно наиболее ценно. К моменту, когда человек наконец понимает, что стал жертвой преступления, имущественный след уже может быть настолько рассеян, что даже максимально добросовестное вмешательство не даст практического результата.

Четвертая причина - недостаточность, фрагментарность и несвоевременность доказательств. Это обстоятельство в научном и прикладном плане нередко недооценивается, хотя именно оно во множестве случаев становится решающим. Потерпевший, переживающий шок, стыд, чувство вины или страх огласки, часто обращается за помощью поздно. Нередко он удаляет переписку, полагая, что таким образом избавляется от травмирующих напоминаний; очищает историю вызовов; теряет доступ к использованным учетным записям; не сохраняет снимки экрана; не фиксирует адреса получателей; не записывает последовательность своих действий; не помнит, с какого именно устройства, в какое время и через какой сервис совершал переводы; не может восстановить, какие коды подтверждения вводил и какие разрешения предоставлял. В ряде случаев перевод осуществляется с нескольких устройств, через разные учетные записи, при смене сетевого подключения, с использованием одноразовых каналов связи или временных идентификаторов. Все это делает фактическую картину размытой именно тогда, когда для успешного реагирования требуется предельная детализация.

Для правоохранительных органов, суда, представителей площадок и иных участников процесса значение имеет не общее убеждение потерпевшего в том, что его обманули, а совокупность конкретных, проверяемых, сопоставимых между собой данных. Вопросы всегда будут одни и те же: кто с кем общался, каким способом, в какое время, через какие каналы связи, какие реквизиты использовались, на какие адреса или счета переводились средства, какие обещания давались, какие действия подтверждались, какие документы сохранились, какие журналы событий можно истребовать, на каком устройстве остались следы доступа, какова последовательность операций и какие из них соотносятся друг с другом по времени. **Там, где нет доказательственной плотности, правовая позиция обнажается и слабеет.** Там, где утрачены цифровые следы, снижается не только вероятность привлечения виновного к ответственности, но и сама возможность оперативного вмешательства в движение активов.

Следует особо подчеркнуть, что проблема доказательств - не формальная придирка системы, а объективное условие правового действия. Государство, как бы ни было велико общественное сострадание к потерпевшему, не может основывать ограничительные меры только на предположении. Площадка не вправе блокировать чужие активы без достаточных оснований. Суд не может заменить доказанность сочувствием. Именно поэтому так трагично промедление в первые часы и дни после обнаружения хищения. **Каждая несохраненная переписка, каждый незафиксированный адрес, каждый утраченный снимок экрана - это не мелочь, а потенциально потерянное звено в цепи установления истины.**

Пятая причина, имеющая не меньшую общественную опасность, - вторичное мошенничество под видом содействия в возврате похищенного. Пожалуй, нет более циничной формы эксплуатации человеческой беды, чем обман того, кто уже однажды стал жертвой. Потерпевшему начинают писать или звонить лица, выдающие себя за юристов, следователей, представителей международных организаций, работников надзорных органов, сотрудников биржевых площадок, специалистов по отслеживанию переводов, частных взыскателей, экспертов по финансовому мониторингу. Они утверждают, что средства уже найдены, что их можно «разморозить», «вывести на безопасный счет», «легализовать возврат», «пройти таможенную очистку», «уплатить обязательный сбор», «внести обеспечительный платеж», «открыть транзитный счет», «закрыть задолженность по налогу», «подтвердить личность у нотариуса» или «активировать межгосударственную процедуру перечисления».

Внешне подобные схемы часто построены профессионально: используются поддельные документы, псевдоофициальные бланки, печати, имитация делового стиля, ссылки на реальные учреждения, демонстрация якобы существующих выписок, поддельные изображения интерфейсов, ложные номера дел, фиктивные сертификаты и даже инсценировка многоэтапной

процедуры, создающей ощущение подлинности. Но внутренний механизм остается прежним: у потерпевшего снова выманивают деньги, прикрываясь обещанием их возврата. **Это не побочный, а системный слой преступного рынка.** Он питается отчаянием, виной, жадной справедливости и самой человеческой неспособностью смириться с утратой. Преступник знает: там, где человек уже потерял значительную сумму, он может оказаться психологически готов отдать еще немного, лишь бы не признать окончательность поражения и не отказаться от надежды.

С научной точки зрения вторичное мошенничество представляет особую опасность потому, что оно опирается не только на обман, но и на травматическое состояние потерпевшего. После первого эпизода у человека нарушается способность к трезвой оценке обещаний, усиливается внушаемость, обостряется стремление к немедленному исправлению ситуации, снижается критичность к аргументам «спасителя». В таких условиях обещание возврата действует почти как обезболивающее: оно не убеждает логически, а захватывает эмоционально. И потому борьба с этим явлением требует не только уголовно-правового преследования, но и широкой просветительской работы. **Необходимо без обиняков говорить обществу: требование предварительной оплаты за обещанный возврат - один из наиболее характерных признаков нового обмана.** Ни «комиссия за разблокировку», ни «аванс международному посреднику», ни «страховой депозит», ни «обязательный налог до выплаты» сами по себе не создают реального механизма восстановления нарушенного имущественного права.

Из сказанного вытекает принципиальный вывод, который должен быть зафиксирован ясно, строго и без уступок ложному утешению. **Обращение за правовой защитой необходимо, но ожидание гарантированного возврата похищенных средств в реальной практике чаще всего не имеет под собой достаточных оснований.** Эта формула может показаться жесткой, однако научная добросовестность требует именно такой постановки вопроса. Недопустимо подменять анализ сострадательной иллюзией. Потерпевший вправе рассчитывать на принятие заявления, на проверку обстоятельств, на попытку проследить движение активов, на взаимодействие с площадками, на сбор и оценку доказательств, на уголовно-правовую реакцию государства. Но он не должен становиться заложником лживого обещания, будто сама подача обращения запускает почти гарантированный процесс имущественного восстановления.

Вместе с тем столь суровая оценка не означает, что обращаться бессмысленно. Напротив, без обращения часто не остается даже минимального шанса на фиксацию преступления, документирование обстоятельств и возможное вмешательство в дальнейшее движение активов. **Смысл правовой защиты состоит не в магическом обещании результата, а в создании максимально возможных условий для реагирования.** И все же практический центр тяжести должен быть смещен с последующего

«чудесного возмещения» на предупреждение, раннее распознавание угрозы, немедленную остановку подозрительных действий и тщательное сохранение доказательств. Здесь пролегает важнейшая граница между зрелым правовым мышлением и инфантильной верой в автоматическое исправление любого ущерба.

Именно профилактика должна рассматриваться как первоочередная линия защиты имущественных интересов граждан. Там, где преступная схема еще не завершена, где перевод еще не подтвержден, где подозрительное требование еще можно проверить, где доступ еще можно закрыть, где переписку еще можно сохранить, где площадку еще можно уведомить, а банк - своевременно известить, возможности защиты многократно выше, чем после окончательного рассеяния следов. **Ранняя остановка почти всегда ценнее последующего преследования.** Сохранение доказательств почти всегда важнее поздних объяснений по памяти. Осмотрительность почти всегда надежнее надежды. Это не проявление пессимизма, а вывод, оплаченный огромным массивом реальных человеческих потерь.

Следовательно, в научном, правовом и общественном дискурсе необходимо отказаться от опасной романтизации процедуры возврата похищенных средств. Требуется честный язык, способный называть вещи своими именами. Если средства прошли через цепь раздробленных юрисдикций, были подтвержденно отправлены самим потерпевшим под влиянием обмана, быстро выведены через площадки с ограниченной готовностью к немедленной блокировке, а доказательства утрачены или собраны несвоевременно, вероятность фактического восстановления имущественного положения объективно снижается. Если же после этого потерпевший попадает в поле зрения «взыскателей» и «посредников», обещающих возврат за предварительную плату, риск повторной утраты становится чрезвычайно высоким. **Самая опасная ложь в этой сфере - обещание простого выхода там, где его обычно не существует.**

Поэтому ответственная профессиональная позиция должна строиться на трех опорных началах: правовая защита обязательна; гарантии возврата, как правило, отсутствуют; решающее значение имеют профилактика, незамедлительная реакция и доказательственная дисциплина. В этом и состоит суровая, но необходимая правда. Она неудобна, она лишает почвы спекулянтов надеждой, она не продается так легко, как успокоительные обещания, - но именно такая правда и служит реальной защите человека. Ибо там, где заканчивается иллюзия гарантированного спасения, начинается единственно возможная зрелая стратегия: **предупредить, остановить, зафиксировать и только затем - добиваться всего достижимого в правовом поле, не подменяя борьбу за справедливость торговлей надеждой.**

Ограниченность правовой защиты и институциональные пробелы

Потерпевшие по делам, связанным с хищением цифровых активов, действительно нередко оказываются в состоянии не просто психологической растерянности, но и фактической правовой изоляции. Речь идет не о частном переживании отдельного лица, а о системном дефекте современного механизма защиты права. Когда у человека похищают имущество в обстановке, где денежные средства могут быть выведены за считанные минуты, распределены по множеству адресов, преобразованы в иные цифровые единицы учета, а затем растворены в трансграничной среде, он сталкивается с особой формой уязвимости. Эта уязвимость порождена не только дерзостью преступного посягательства, но и несоразмерностью между скоростью причинения вреда и медлительностью институционального ответа. Именно в этом разрыве возникает то опасное пространство, в котором преступник действует с расчетом на временное преимущество, а потерпевший - с мучительным осознанием того, что каждая минута промедления уменьшает вероятность восстановления нарушенного права.

Трансграничный характер цифровых активов радикально меняет саму архитектуру преступления и последующего расследования. **Преступление более не укладывается в традиционные представления о территории, юрисдикции и локальности следа.** Если при классическом имущественном посягательстве возможно относительно быстро определить место совершения деяния, направление движения средств, круг посредников и материальные носители информации, то в сфере цифровых активов след преступления почти сразу приобретает распределенный, многоуровневый и межгосударственный характер. Средства могут быть выведены через несколько площадок обращения цифровых активов, затем разделены на множество частей, далее направлены через механизмы сокрытия происхождения, после чего интегрированы в иные расчетные контуры. На каждом этапе меняется не только форма учета, но и процессуальная сложность доступа к сведениям. В результате правоохранительные органы одного государства объективно сталкиваются с пределами собственной компетенции в тот самый момент, когда оперативность имеет решающее значение. Здесь особенно остро проявляется структурное противоречие: **преступная операция носит мгновенный и непрерывный характер, тогда как межгосударственное правовое взаимодействие по-прежнему остается медленным, формализованным и зависимым от многоступенчатых процедур.**

Быстрота перемещения средств в цифровой среде представляет собой не просто техническую особенность, а самостоятельный криминогенный фактор. Преступник извлекает выгоду из того, что современная цифровая инфраструктура позволяет совершать цепочки операций почти без временного интервала, достаточного для внешнего реагирования. От

момента неправомерного завладения доступом до этапа многократного перераспределения активов могут пройти минуты, а иногда и секунды. За это время потерпевший еще только осознает факт посягательства, пытается установить, что именно произошло, собирает подтверждающие сведения, ищет контакты площадки, обращается в банк, подготавливает заявление. Государственная же система включается в процесс значительно позже, когда активы уже неоднократно перемещены, а их след утратил первоначальную прозрачность. **Тем самым время становится не нейтральной категорией, а оружием преступника.** И если правопорядок не располагает механизмами немедленного ответного действия, то он фактически вынужден вести борьбу в условиях заведомо проигрышного темпа.

Сложность технического следа усугубляет положение потерпевшего и затрудняет деятельность компетентных органов. Необходимо ясно понимать: цифровой след - это не простая последовательность записей, доступная для непосредственного восприятия и оценки. Это совокупность сведений о движении активов, действиях учетных записей, данных об устройствах, временных отметках, признаках сетевого взаимодействия, особенностях подтверждения операций, логике маршрутизации средств, структуре связей между адресами и иными информационными элементами, значение которых раскрывается лишь при наличии специальной подготовки. **Именно здесь обнаруживается одна из самых тревожных черт современного состояния защиты потерпевших: юридическое признание проблемы не сопровождается достаточной технологической готовностью к ее раскрытию.** Заявление может быть принято, однако без немедленной и квалифицированной фиксации следов оно нередко утрачивает значительную часть доказательственного потенциала. Между тем цифровая среда безжалостна к промедлению: сведения могут изменяться, доступы - блокироваться, журналы событий - перезаписываться, а связь между отдельными звеньями преступной схемы - становиться все менее очевидной.

Перегруженность правоохранительной системы в этой сфере приобретает особо опасное значение. Дело не только в общем объеме поступающих сообщений о преступлениях, но и в несоответствии между сложностью рассматриваемых посягательств и ресурсами, выделяемыми на их сопровождение. **Когда одно цифровое преступление требует одновременно правовой, технической, финансовой и межгосударственной координации, традиционная модель распределения нагрузки начинает давать сбой.** Сотрудник, не имеющий достаточно времени и специализированной поддержки, вынужден действовать в условиях дефицита информации, при этом каждое запоздалое решение может оказаться невозможным. Появляется опасность формального подхода: заявление принимается, материалы регистрируются, отдельные запросы направляются, но целостная стратегия немедленного пресечения дальнейшего движения

похищенного имущества отсутствует. Для потерпевшего это выглядит как молчаливое признание собственной ненужности. Для преступника - как подтверждение расчетов на безнаказанность.

Дефицит специализированной подготовки представляет собой, пожалуй, один из наиболее существенных факторов институциональной слабости. Нельзя требовать высокой эффективности от системы, которая вынуждена реагировать на преступления новой технологической природы старыми средствами понятийного и организационного характера. **Без глубокого знания устройства цифровых реестров, способов сокрытия движения активов, особенностей работы площадок обращения, методов установления связи между адресами и конкретными лицами, а также без понимания процессуальной ценности различных цифровых следов расследование неизбежно утрачивает необходимую остроту и точность.** В подобных условиях потерпевший нередко сталкивается с повторной травматизацией: он не только лишается имущества, но и вынужден объяснять очевидные для него обстоятельства тем органам и организациям, которые сами до конца не владеют предметом. Это подрывает доверие к правосудию не меньше, чем сама преступная атака. Общество начинает воспринимать сферу цифровых активов как пространство, в котором право действует замедленно, неуверенно и избирательно.

Особенно выразительно системный разрыв проявляется во взаимодействии между полицией, площадками обращения цифровых активов и банковскими организациями. Каждая из этих систем действительно может признать факт неблагополучия, но ни одна по отдельности не в состоянии обеспечить восстановление нарушенного имущественного состояния. Полиция вправе принять заявление, начать проверочные действия, истребовать сведения, направить поручения, инициировать процессуальные решения. Однако без налаженного механизма ускоренного международного взаимодействия ее возможности остаются ограниченными национальной процедурой, тогда как движение цифровых активов давно вышло за пределы одной юрисдикции. Площадки обращения могут дать формальный ответ, запросить документы, подтвердить наличие определенных операций, а в отдельных случаях - даже временно ограничить действия по конкретным учетным записям. Но если похищенные активы уже ушли дальше по цепочке, если они многократно перераспределены, если используется сложная схема промежуточных адресов и посредников, возможности площадки становятся фрагментарными и запоздалыми. Банки, со своей стороны, способны зафиксировать исходный перевод, установить его реквизиты, оценить обстоятельства движения средств на начальном этапе. Но как только имущество переходит в мир цифровых активов, их прямое влияние резко сокращается. **Так формируется порочная зона расщепленной ответственности: каждый участник процесса видит**

лишь свой фрагмент картины, однако потерпевшему нужен не фрагмент, а результат.

Именно из этой раздробленности возникает чувство полной беспомощности, о котором столь часто сообщают жертвы цифрового мошенничества и иных имущественных посягательств. Потерпевший оказывается между несколькими нормативными и организационными контурами. В одном от него требуют строго процессуального изложения фактов, в другом - технических подтверждений владения учетной записью, в третьем - банковских документов, в четвертом - доказательств происхождения средств, в пятом - переведенных и заверенных материалов для межгосударственного обращения. **Право, которое по своей природе должно собирать рассыпанное и соединять разорванное, в этой сфере слишком часто демонстрирует обратное: оно дробит защиту на множество несогласованных процедурных фрагментов.** Для потерпевшего это не отвлеченная теория, а суровая реальность, в которой каждая инстанция как будто признает наличие беды, но ни одна не берет на себя обязанность преодолеть ее целиком.

Подобное положение имеет не только индивидуально-правовые, но и выраженные общественно опасные последствия. Массовая деморализация жертв - это не метафора и не эмоциональное преувеличение. **Это социальный эффект, который непосредственно влияет на уровень латентности преступности, на доверие к государству и на общую устойчивость имущественного оборота.** Когда люди приходят к выводу, что обращаться за защитой бессмысленно, они перестают сообщать о преступлениях, своевременно фиксировать следы, сохранять доказательства, инициировать блокирующие меры и содействовать расследованию. Преступник, напротив, получает двойную выгоду: он не только присваивает имущество, но и действует в среде, где вероятность институционального сопротивления снижается вследствие общественного пессимизма. Латентность начинает питать преступность, преступность - недоверие, а недоверие - дальнейшую латентность. В этом замкнутом круге разрушается сама превентивная функция права. Если потерпевший заранее убежден, что система не успеет, не поймет или не доведет дело до результата, то правовой порядок утрачивает часть своей сдерживающей силы еще до момента нового посягательства.

Именно поэтому задача публичной политики в данной сфере должна быть сформулирована предельно ясно и бескомпромиссно. Недостаточно ограничиваться общими призывами к повышению цифровой грамотности населения или к совершенствованию правового регулирования в неопределенном будущем. **Необходима архитектура немедленного, специализированного и юридически связанного реагирования,** при которой защита потерпевшего начинается не после завершения длинной процедуры согласований, а в момент первичной фиксации преступного события. Такая

архитектура должна включать специальные механизмы быстрого реагирования, унифицированные протоколы фиксации цифровых следов, ускоренные каналы взаимодействия между правоохранительными органами и площадками обращения цифровых активов, а также обязательные стандарты проверки рекламных размещений, побуждающих граждан к участию в операциях с цифровыми финансовыми активами.

Создание специализированных механизмов быстрого реагирования является первоочередной необходимостью. В практическом измерении это означает формирование таких организационных и правовых процедур, которые позволяют еще на раннем этапе установить критически важные обстоятельства: характер неправомерного доступа, адреса вывода активов, связь между исходной и последующими операциями, возможные точки входа в регулируемую инфраструктуру, а также лиц и организации, способные немедленно содействовать пресечению дальнейшего движения имущества. **Смысл быстрого реагирования заключается не только в ускорении работы, но и в изменении самой логики защиты: от пассивной регистрации уже причиненного вреда - к активному преследованию похищенного имущества по горячим цифровым следам.** Для этого необходимы круглосуточные контактные звенья, понятный порядок срочной передачи сведений, шаблоны экстренных уведомлений, критерии первоочередности обработки обращений и особый режим межведомственной координации для случаев, связанных с риском мгновенного вывода активов.

Не менее важным направлением выступает разработка типовых протоколов фиксации цифровых следов. Здесь недопустимы разрозненность и произвольность, поскольку именно на раннем этапе закладывается доказательственная судьба всего дела. Потерпевший, дежурный сотрудник, следователь, специалист, работник банка, представитель площадки - все они должны действовать не по интуиции, а по единым правилам, основанным на процессуальной надежности и технической достаточности. **Протокол фиксации должен охватывать не отдельные случайные сведения, а полную картину первоначального цифрового следа:** сведения об учетных записях, адресах поступления и выбытия активов, временных отметках, уведомлениях, данных об устройствах, способах подтверждения операций, связанной переписке, рекламных материалах, через которые потерпевший был вовлечен в преступную схему, реквизитах переводов, а также признаках последующего перераспределения средств. Чем подробнее и точнее зафиксирован исходный массив данных, тем выше вероятность не только идентификации схемы, но и установления повторяемых преступных практик, действующих в отношении неопределенного круга лиц.

Ускоренное взаимодействие между площадками обращения цифровых активов и правоохранительными органами должно выйти из состояния факультативной доброй воли и обрести свойства обязательного правового

стандарта. Сегодня слишком многое зависит от внутренних правил конкретной площадки, от ее места регистрации, от наличия либо отсутствия внятной процедуры ответа на запросы, от того, насколько быстро она готова предоставить сведения или ограничить операции по подозрительным учетным записям. **Такое положение несовместимо с задачами эффективной защиты потерпевших**, поскольку судьба похищенного имущества не может зависеть от непредсказуемости частной административной практики. Требуется нормативно закреплённые сроки реагирования, единые требования к содержанию срочных запросов, порядок подтверждения их получения, режим временного удержания подозрительных активов при наличии достаточных оснований, а также гарантии последующего судебного и процессуального контроля, исключающие произвол, но не разрушающие оперативность. Иначе говоря, речь идет о выработке сбалансированного правового режима, в котором быстрота не уничтожает законность, а законность не парализует быстроту.

Особого внимания заслуживает проблема рекламных размещений, связанных с цифровыми финансовыми активами. Здесь открывается еще одна болезненная зона, где преступная активность нередко маскируется под внешне добросовестное информационное сопровождение. Потерпевший зачастую входит в опасную схему не через осознанный поиск незаконных инструментов, а через публично доступные материалы, стилизованные под инвестиционные рекомендации, профессиональные консультации, аналитические обзоры или сообщения о якобы легальных возможностях получения дохода. **Реклама в таких случаях становится не нейтральным каналом распространения информации, а частью механизма введения в заблуждение.** Следовательно, публичная политика обязана установить стандарты обязательной проверки рекламных размещений, касающихся цифровых финансовых активов, включая проверку правового статуса рекламодача, достоверности заявлений о доходности, наличия необходимых разрешительных оснований, полноты раскрытия рисков, а также подлинности сведений о лицах, выступающих организаторами соответствующих предложений. Если пространство публичного убеждения остается бесконтрольным, преступная схема получает бесценное преимущество: она входит в сознание гражданина не как угроза, а как обещание.

Необходимо подчеркнуть и более широкий аспект: защита потерпевших в сфере цифровых активов - это не периферийный участок уголовной политики, а испытание зрелости современного правового государства. **Государство, не способное обеспечить действенную реакцию на новые формы имущественного посягательства, рискует утратить доверие в одной из самых чувствительных сфер - в сфере охраны собственности.** Право здесь должно доказать, что оно в состоянии следовать за изменением общественных отношений не с роковым опозданием, а с упреждающей

точностью. Для этого нужна не только корректировка законодательства, но и глубокая институциональная перестройка: подготовка кадров, создание специализированных подразделений, межведомственная аналитическая координация, развитие международных договорных механизмов, стандартизация обмена сведениями, оснащение органов современными средствами анализа цифровых следов и выработка единых методических подходов для судебной и следственной практики.

В конечном счете вопрос стоит предельно остро. Либо общество создаст целостную систему оперативной и профессиональной защиты потерпевших в сфере цифровых активов, либо будет и дальше наблюдать расширение зоны правовой беспомощности, в которой преступник действует быстрее, чем государство, убедительнее, чем предупреждение, и организованнее, чем защита. **Самое опасное последствие здесь заключается не только в имущественном ущербе, но и в постепенном привыкании общества к мысли, что в некоторых секторах цифровой экономики право заранее обречено на запаздывание.** С этой мыслью нельзя мириться. Она разрушает уважение к закону, развращает преступника ощущением легкости наживы и оставляет потерпевшего один на один с тщательно организованной системой отчуждения его имущества. Поэтому выработка специализированных механизмов быстрого реагирования, типовых протоколов фиксации цифровых следов, ускоренного межинституционального взаимодействия и строгих правил проверки рекламных размещений должна рассматриваться не как желательное направление развития, а как неотложное требование правовой и общественной безопасности.

Профилактика: что должно стать предметом общественной и научной дискуссии

Главный вывод, к которому подводит анализ современной преступной практики в финансовой сфере, заключается в следующем: **эпоха наивной профилактики окончательно завершилась.** Простых увещеваний, общих напоминаний о бдительности и формальных рекомендаций «не доверять незнакомцам» более недостаточно. Они принадлежали времени, когда преступное посягательство строилось преимущественно на грубой лжи, прямом обмане и сравнительно примитивном подражании законной деятельности. Сегодня же общество имеет дело с качественно иным явлением. **Современное мошенничество представляет собой не случайный набор уловок, а разветвленную систему психологического воздействия, организационного прикрытия, информационного давления и социальной маскировки.** Именно поэтому противодействие ему также должно принять системный характер, охватывая не только уголовное преследование уже совершивших преступление лиц, но и предупреждение самой возможности массового вовлечения граждан в губительные схемы.

В этой связи принципиально важно утверждать: **профилактика должна стать не вспомогательной, а центральной линией общественной защиты.** Речь идет не о разовых кампаниях, не о кратковременных памятках и не о дежурных публикациях после очередного громкого случая, а о долговременной, научно обоснованной и институционально закреплённой деятельности, в которой участвуют государство, исследовательское сообщество, средства массовой информации, площадки распространения сведений, посредники в размещении объявлений, образовательные учреждения и профессиональные объединения. Каждое из названных звеньев выполняет особую задачу, и выпадение хотя бы одного элемента неминуемо ослабляет всю систему. Там, где государство ограничивается наказанием виновных, но не создает внятной среды предупреждения, преступность получает пространство для бесконечного воспроизводства. Там, где научное сообщество не исследует механизмы внушения, массового доверия и психологической уязвимости, профилактика остается поверхностной. Там, где средства массовой информации гонятся лишь за внешней сенсацией, не раскрывая внутреннего устройства преступной схемы, общество получает страх, но не знание. Там, где площадки распространения сведений и посредники в размещении объявлений снимают с себя всякую нравственную и правовую ответственность, преступник получает не просто канал доступа к жертве, а ореол допустимости.

Следовательно, речь должна идти о создании **единой профилактической среды**, в которой предупреждение мошенничества станет не частной инициативой отдельных ведомств, а устойчивой нормой общественного устройства. Такая среда предполагает накопление и постоянное обновление научных сведений о приемах преступного воздействия, выработку единых критериев распознавания подозрительных финансовых предложений, широкое просвещение населения, добросовестное регулирование публичного продвижения финансовых услуг, а также формирование этических и правовых стандартов поведения для всех участников информационного обращения. Без этого общество будет раз за разом сталкиваться с одним и тем же трагическим повторением: новые названия, новые лица, новые внешние формы - и при этом все тот же внутренний механизм хищения, опирающийся на доверчивость, тревогу, жадно культивируемую надежду и искусно организованное социальное давление.

Особого внимания заслуживает вопрос о том, **что именно должно стать предметом массового просвещения.** Долгое время граждан учили распознавать главным образом внешние, технические признаки поддельных ресурсов: ошибочные обозначения в сетевом адресе, некачественное оформление страницы, подозрительные запросы на ввод сведений, отсутствие подлинных регистрационных данных. Все это остается важным, однако сегодня этого решительно мало. **Современное**

мошенничество - это не только ложь о деньгах; это прежде всего инженерия доверия, то есть сознательное конструирование такой психологической среды, в которой человек постепенно отказывается от критической оценки происходящего, начинает воспринимать навязанную ему картину как правдоподобную и в конечном счете действует против собственных интересов, полагая, что поступает разумно.

Именно поэтому образовательная работа должна быть обращена не только к разуму, но и к эмоциональной самозащите личности. Граждан необходимо учить распознавать не только поддельный документ или сомнительную страницу, но и **сами сценарии манипулятивного воздействия**, которые предшествуют хищению и подготавливают согласие жертвы. Одним из важнейших таких сигналов выступает искусственная срочность. Преступник лишает человека времени на размышление, потому что понимает: свободное время - союзник рассудка. Когда потенциальной жертве внушают, что решение нужно принять немедленно, что «окно возможности» вот-вот закроется, что средства необходимо перевести «сейчас, иначе будет поздно», перед нами не признак деловой динамики, а классический прием подавления критического мышления. **Срочность в подобных схемах есть не требование обстоятельств, а орудие принуждения.** Человека отрывают от его обычного ритма рассуждения, помещают в состояние дефицита времени и заставляют подчиниться навязанному темпу, при котором сомнение начинает восприниматься как опасная задержка.

Не менее значимым эмоциональным маркером служит культ исключительности. Потенциальной жертве внушают мысль, будто ей открывается редкий, недоступный большинству путь к особому благополучию, закрытое предложение «для избранных», возможность приобщиться к кругу тех, кто знает больше остальных. В этом приеме скрыта глубокая психологическая работа: человеку предлагают не просто доход, а символическое возвышение над окружающими, участие в мнимой элите, чувство посвященности в тайну, которая якобы сокрыта от «обычных» людей. **Жертву покупают не только обещанием выгоды, но и лестью.** Ей предлагают не финансовое решение, а новую идентичность - образ человека осведомленного, смелого, опережающего других. Именно здесь преступное воздействие соединяет экономический мотив с социальным тщеславием, превращая обман в форму самособлазнения.

К числу наиболее опасных признаков относится и обещание слишком высокой, а что еще важнее - слишком ровной доходности. В нормальной хозяйственной деятельности прибыль всегда сопряжена с риском, изменчивостью, неблагоприятными периодами, влиянием множества обстоятельств. Там, где публике обещают почти механическое умножение средств, не зависящее ни от колебаний рынка, ни от состояния производства, ни от политических событий, ни от обычной хозяйственной

неопределенности, следует видеть не чудо эффективности, а **попытку подменить экономическую реальность мифом о гарантированном обогащении**. Особенностораживает не только высота заявленных показателей, но и их гладкость, однообразие, показная устойчивость. Преступная схема любит рисовать доход как нечто непрерывное, почти природное, будто бы не знающее ни спадов, ни ошибок, ни потерь. Но именно такая нарочитая правильность и должна вызывать у подготовленного человека наибольшее недоверие. В подлинной экономике нет безупречно прямых линий; они возникают главным образом там, где вместо хозяйственной действительности существует тщательно сочиненная легенда.

Весьма характерным элементом современных схем является и так называемая многослойная псевдокоманда - искусственно создаваемое впечатление, будто за предложением стоит разветвленный коллектив специалистов, каждый из которых отвечает за отдельный участок работы. Потенциальной жертве могут последовательно представляться «аналитики», «сопровождающие специалисты», «старшие кураторы», «финансовые советники», «технические сотрудники», и вся эта вымышленная иерархия нужна для одной цели: создать ощущение институциональной солидности. **Одиночный лжец вызывает меньше доверия, чем организованная видимость учреждения**. Когда человек сталкивается не с одним собеседником, а с целой цепочкой лиц, использующих согласованную лексику, единые сценарии убеждения и взаимное подтверждение сказанного, у него формируется ложное впечатление законности, профессиональности и масштаба. Между тем перед ним нередко не коллектив специалистов, а постановка, где роли распределены в целях психологического давления. Поэтому население необходимо специально обучать распознаванию подобных театрализованных структур, объясняя, что обилие «должностей» и «уровней сопровождения» само по себе не доказывает действительности организации, а напротив, может служить приемом маскировки.

Исключительно важным признаком преступного воздействия является требование тайны. Когда человеку внушают, что о предложении нельзя рассказывать родственникам, друзьям, коллегам, юристам, сотрудникам банка или иным лицам, способным дать трезвую оценку, это должно рассматриваться как один из самых тревожных сигналов. **Тайна в таких случаях нужна не для защиты интересов клиента, а для изоляции жертвы от возможного спасительного возражения**. Преступник стремится сузить круг общения человека до контролируемого канала, в котором не возникнет альтернативного толкования происходящего. В сущности, речь идет о предварительном разрушении общественных связей как условия будущего хищения. Чем меньше вокруг жертвы независимых голосов, тем легче преступной группе закрепить собственную версию реальности. Именно

поэтому в просветительских материалах необходимо настойчиво повторять: требование молчания о финансовом предложении не является знаком привилегии, это знак опасности.

С тем же механизмом связано обесценивание мнения близких. Преступные схемы нередко заранее формируют у жертвы недоверие к тем, кто мог бы ее остановить. Родственников и друзей представляют как людей «отсталых», «ничего не понимающих в современных способах заработка», «мыслящих слишком узко», «боящихся успеха», «завидующих смелым». Подобная риторика выполняет разрушительную функцию: она заранее нейтрализует естественную семейную и дружескую защиту. **Человека отрывают не только от денег, но и от его среды взаимной поддержки.** В этом смысле современное мошенничество опасно не одной лишь имущественной потерей; оно вторгается в самую ткань доверительных отношений, подтачивает семейное единство, сеет подозрительность, заставляет воспринимать заботу как препятствие. Поэтому борьба с такими схемами должна включать и восстановление общественного уважения к коллективной проверке сомнительных решений. Следует утверждать простую, но фундаментальную мысль: в вопросах передачи значительных средств совет с близкими - не слабость, а признак зрелой ответственности.

Не менее тревожным сигналом является перенос общения из публичной среды в закрытые личные каналы. На первом этапе преступник может использовать относительно открытое пространство, однако затем почти неизбежно стремится перевести взаимодействие туда, где отсутствует внешний контроль, где нельзя легко проверить содержание обещаний, где сложнее пожаловаться, зафиксировать ход воздействия и предупредить других. **Закрытость - естественная среда преступной манипуляции.** В ней удобнее корректировать легенду, усиливать давление, дозировать сведения, удалять следы, менять тональность от дружеской до угрожающей и обратно, не опасаясь публичного разоблачения. Поэтому население следует учить воспринимать подобный перевод общения не как естественное продолжение «индивидуального сопровождения», а как рискованный этап, после которого вероятность злоупотребления резко возрастает. Чем меньше у сделки публичности и проверяемости, тем больше у нее шансов оказаться инструментом хищения.

Наконец, необходимо особенно подробно разъяснять гражданам механизм постоянного чередования надежды и тревоги - одного из самых действенных способов психологического подчинения. Человеку то обещают близкий успех, то сообщают о внезапном препятствии; то рисуют скорое обогащение, то пугают угрозой потери уже вложенных средств; то успокаивают, то вновь вводят в состояние острого напряжения. Такое маятниковое воздействие не случайно. Оно истощает волю, лишает человека устойчивой позиции, делает его зависимым от очередного сообщения преступника как от единственного источника облегчения. **Жертву**

удерживают не логикой выгоды, а ритмом эмоциональной дрессировки. Надежда не дает отступить, тревога не позволяет остановиться, и в этой мучительной смене состояний человек нередко передает все новые суммы, руководствуясь уже не расчетом, а стремлением любой ценой вернуть себе чувство внутренней устойчивости. Для научно обоснованной профилактики чрезвычайно важно прямо называть этот механизм и включать его описание в учебные, просветительские и правовые материалы. Пока общество видит в мошенничестве только ложное обещание денег, оно не понимает глубины психологического насилия, которому подвергается жертва.

Все сказанное подводит к следующему принципиальному выводу: **просвещение должно воспитывать не только техническую осведомленность, но и психологическую грамотность.** Человек должен уметь распознать момент, когда на него воздействуют через страх упустить возможность, через тщеславие, через одиночество, через жажду скорого разрешения тревоги, через подмену рассуждения внушением. Иными словами, гражданину нужно передать не перечень частных уловок, который всегда будет неполон, а понимание общих закономерностей преступного давления. Только такое знание обладает подлинной устойчивостью: схемы меняют названия, оформление и словарь, но их психологический каркас удивительно постоянен.

Отдельного и особенно острого обсуждения требует вопрос об ответственности тех, кто размещает и распространяет сведения о сомнительных финансовых услугах среди широкой аудитории. Здесь общественная мысль слишком долго довольствовалась удобной формулой о том, что в ответе только непосредственный преступник, тогда как остальные участники цепи якобы остаются нейтральными посредниками. Однако подобная позиция все менее выдерживает нравственную и правовую критику. **Тот, кто предоставляет преступной схеме канал публичного внушения, не может бесконечно укрываться за маской безразличной технической функции.** Публичная известность, социальный авторитет, высокая посещаемость информационной площадки, репутационный вес рекламораспространителя - все это обладает самостоятельной силой убеждения. Для множества граждан сам факт появления предложения в известном пространстве уже воспринимается как косвенное подтверждение его допустимости. Следовательно, когда сомнительная финансовая услуга получает широкое распространение через каналы, пользующиеся общественным доверием, преступник фактически заимствует себе чужую репутацию. Он крадет не только деньги будущих жертв, но и символический капитал общественного признания.

Именно поэтому **недопустимо, чтобы знак публичной известности превращался в орудие чужого хищения без каких-либо последствий для распространителя сведений.** Разумеется, вопрос не должен решаться

примитивно и без различия степеней вины. Но столь же очевидно и то, что полное снятие ответственности с инфраструктуры легитимации означает фактическое поощрение безразличия. Если лицо, организация или площадка систематически получают выгоду от размещения подозрительных финансовых предложений, не принимая разумных мер проверки, не реагируя на признаки обмана, не создавая действенных процедур предварительного отбора и последующего прекращения распространения опасных материалов, то речь идет уже не о случайной технической ошибке, а о социально вредном попустительстве. Правовой порядок, всерьез нацеленный на защиту граждан, обязан обсуждать и выработать механизмы соразмерной ответственности за такое попустительство.

В научно-правовом отношении здесь особенно важно развести несколько уровней участия. Один уровень составляет прямой исполнитель хищения, организующий ложную схему, ведущий переписку, принимающий средства и скрывающийся с похищенным. Другой уровень - лица и структуры, которые создают для этой схемы внешний облик достоверности: размещают объявления, обеспечивают массовое продвижение, сопровождают публичное присутствие, допускают использование собственных репутационных ресурсов без должной осмотрительности. **Без второго уровня первый нередко лишился бы той широты охвата, которая превращает единичный обман в массовое бедствие.** Следовательно, разговор об ответственности инфраструктуры легитимации не есть попытка размыть вину прямого преступника; напротив, это стремление увидеть преступное явление в его полном социальном объеме. Общество проигрывает всякий раз, когда рассматривает хищение слишком узко - как встречу жертвы с отдельным злонамеренным лицом, - и не замечает той системы посредований, которая сделала эту встречу вероятной и убедительной.

Здесь необходимо сказать и о нравственном измерении проблемы. Всякий раз, когда площадка распространения сведений, посредник по размещению объявлений или публичное лицо извлекают выгоду из продвижения сомнительного финансового продукта, не задавая себе вопроса о последствиях для множества доверчивых людей, происходит опасная нормализация общественного цинизма. **Прибыль, полученная ценой чужого разорения, не становится менее постыдной оттого, что она оформлена договором на распространение сведений.** Напротив, чем более респектабельно выглядит внешняя оболочка такого участия, тем глубже подрыв общественной нравственности. Люди начинают видеть, что между преступлением и законопослушной средой нет непреодолимой границы, что хищение может опираться на вполне обыденные механизмы известности, охвата и коммерческого интереса. Это разрушает доверие не только к финансовому обращению, но и к самим общественным институтам.

Отсюда вытекает требование о разработке более строгих правил добросовестности для всех субъектов, участвующих в публичном продвижении финансовых предложений. Такие правила должны включать обязательность предварительной проверки статуса рекламируемой услуги, ясные критерии выявления признаков недобросовестного продвижения, обязанность немедленно прекращать распространение сведений при поступлении обоснованных сигналов о мошенническом характере предложения, а также установление соразмерных правовых последствий в случаях систематического игнорирования очевидных рисков. Но еще важнее и глубже другое: **общество должно отказаться от иллюзии, будто нейтральная оболочка распространения сведений не влияет на доверие граждан.** Влияние существует, оно велико, и именно поэтому оно должно быть сопряжено с ответственностью.

Таким образом, если общество действительно намерено защищать граждан в условиях стремительно усложняющихся мошеннических практик, оно обязано переосмыслить саму философию противодействия. Недостаточно ждать, пока произойдет хищение, чтобы затем искать виновного. Недостаточно также ограничиваться назидательной формулой о личной осмотрительности. **Необходим переход от морализаторства к системе, от случайного реагирования к устойчивому предупреждению, от узкого понимания обмана к целостному анализу механизмов доверия, внушения и легитимации.** Только при таком подходе возможно реальное снижение общественной уязвимости.

Итоговый тезис следует сформулировать предельно ясно. **Современное мошенничество побеждает там, где общество продолжает считать его частной историей о чужой доверчивости; оно отступает лишь там, где государство и общественные институты признают в нем сложную технологию захвата доверия и выстраивают столь же сложную систему защиты.** Следовательно, задача нашего времени состоит не только в том, чтобы разоблачать отдельных преступников, но и в том, чтобы лишать преступление его питательной среды: невежественной надежды, безответственной публичности, коммерческого равнодушия, институциональной разобщенности и привычки считать чужую беду следствием одной лишь личной слабости. Пока этого не будет сделано, каждое новое предупреждение окажется запоздалым. Но если такая системная работа станет реальностью, общество получит шанс не только уменьшить число жертв, но и восстановить то, что преступные схемы разрушают в первую очередь, - **доверие как основу гражданской жизни.**

Заключение

Современное мошенничество в сфере цифровых финансовых активов следует рассматривать не как совокупность разрозненных эпизодов имущественного обмана, не как случайное нагромождение частных

преступных практик и не как побочный изъян стремительно развивающейся хозяйственной среды, а как сложившуюся систему многоуровневого криминального воздействия, в которой соединены социальная инженерия, психологическое давление, техническая имитация подлинности, медиопосредничество, подставная публичность и расчетливое использование недостаточной определенности правового регулирования. Его общественная опасность принципиально шире, чем причинение прямого имущественного ущерба отдельному потерпевшему. В действительности речь идет о поражении самих оснований общественного доверия: доверия к информации, доверия к институтам, доверия к профессиональной экспертизе, доверия к обещанию законности как таковой. Там, где человек утрачивает способность различать подлинное и инсценированное, проверенное и поддельное, разумное и навязанное, возникает не просто экономический риск, а пространство глубокой антропологической уязвимости, в котором объектом посягательства становится уже не счет и не электронный кошелек, а личная автономия, способность к самостоятельному суждению, достоинство и воля.

Именно в этом заключается качественное отличие новейших мошеннических схем от традиционных форм обмана. Ранее преступное действие зачастую строилось вокруг разового эпизода - ложного обещания, прямой подмены, грубой фальсификации, быстрого исчезновения преступника после получения денежных средств. Ныне же перед нами - разветвленная преступная архитектура, опирающаяся на продолжительное сопровождение жертвы, на последовательное выстраивание доверительных отношений, на моделирование у потерпевшего ощущения личной включенности в якобы рациональный и контролируемый процесс получения дохода. Это мошенничество уже давно перестало быть ремеслом случайного авантюриста; оно стало дисциплинированной практикой систематического воздействия на восприятие, эмоции и поведение человека. Его исполнители изучают реакцию жертвы, дозируют стимулы, подбирают аргументы, чередуют обнадеживание и тревожное давление, создают иллюзию экспертной опеки, вовлекают в искусственно сконструированные сообщества «успешных участников», демонстрируют фальшивые доказательства доходности и разыгрывают целые сцены внешней легитимности. Тем самым преступление переносится из плоскости одномоментного хищения в плоскость поэтапного подчинения воли.

Наиболее опасные схемы действительно основаны на медленном и методичном размывании критической способности потерпевшего. Сначала человеку предлагают не риск, а надежду, не авантюру, а видимость разумной возможности, не грубое нарушение здравого смысла, а тщательно отрежиссированную картину благополучного участия в новой финансовой реальности. Затем возникает первое подкрепление: небольшой «успех», мнимое начисление прибыли, демонстрация растущего баланса,

оперативные ответы «куратора», доброжелательная поддержка со стороны мнимых участников сообщества. После этого включается следующий этап - привязка жертвы к уже совершенным действиям. Человек начинает защищать принятое решение, потому что признание ошибки означает не только вероятную потерю средств, но и болезненный удар по самооценке. Именно здесь мошенники вводят новые основания для вложений: необходимость увеличить сумму ради доступа к «более выгодному уровню», срочную потребность закрыть «технический разрыв», оплатить «комиссию», «страховой депозит», «проверку чистоты средств», «налоговый платеж» или иное вымышленное условие для вывода денег. Когда у потерпевшего возникает сомнение, ему предлагают не отступление, а очередной шанс на спасение, и таким образом обман приобретает форму психологической воронки, где каждый предыдущий шаг используется как аргумент в пользу следующего. Это и есть одна из самых циничных особенностей современного цифрового мошенничества: жертву подводят к саморазрушительному решению не через открытое принуждение, а через инсценировку свободного, разумного и якобы информированного выбора.

Поддельные биржевые страницы, фиктивные личные кабинеты доходности, мнимые схемы ценовой разницы между площадками, рассказы о безопасном пассивном вознаграждении, инсценированные отзывы, псевдоновостные публикации, подставные консультанты, ложные удостоверения, респектабельные помещения для встреч, постановочные фотографии с конференций, объявления о международных лицензиях и показная медийная открытость представляют собой не хаотический набор трюков, а элементы единой преступной системы легитимации обмана. Каждая из этих деталей работает на создание особого эффекта - эффекта нормальности, в рамках которого очевидно аномальное начинает восприниматься как привычное, а невероятное - как допустимое. Поддельный личный кабинет нужен не только для визуального обмана, но и для эмоционального закрепления ожидания дохода; ложная схема ценовой разницы между площадками - не только для псевдоэкономического объяснения прибыли, но и для внушения ощущения интеллектуального преимущества над «обычными» участниками рынка; мнимая профессиональная терминология - не только для украшения речи преступника, но и для подавления сопротивления со стороны потерпевшего через языковую асимметрию. Человек, сталкиваясь с большим количеством внешне согласованных признаков законности, нередко начинает считать собственную настороженность проявлением неосведомленности, а сомнение - признаком личной некомпетентности. Так преступление достигает высшей степени коварства: оно заставляет потерпевшего интерпретировать здравый смысл как препятствие к успеху.

Особую роль в воспроизводстве этих схем заняли мессенджерные площадки, прежде всего Телеграм, где сочетание высокой скорости распространения

сведений, относительной анонимности, простоты создания многочисленных каналов и сообществ, возможности прямого обращения к пользователю и ограниченности внешней проверки создало исключительно благоприятную среду для криминальных сетей. Здесь формируются псевдосообщества доверия, в которых каждый элемент коммуникации работает на эффект массового подтверждения. Закрытые группы создают иллюзию избранности; множество однотипных сообщений - иллюзию консенсуса; быстро удаляемые публикации - ощущение оперативности и эксклюзивности; сеть взаимосвязанных учетных записей - впечатление живого человеческого окружения. В такой среде жертва оказывается не перед одиночным злоумышленником, а внутри искусственно сконструированного социального мира, где подделывается не только информация, но и сама ткань межличностного общения. В этом состоит особая опасность мессенджерного посредничества: преступление маскируется под сообщество, эксплуатация доверия - под товарищеский совет, навязанная инвестиционная модель - под обмен опытом, а вербовка - под добровольное присоединение к успешной практике.

Поэтому общественная реакция на данное явление не может ограничиваться ни моральной паникой, ни поверхностными обвинениями в адрес самих потерпевших, будто бы пострадавший неизменно виновен в собственной доверчивости. Подобная позиция не только научно несостоятельна, но и социально разрушительна. Она закрывает путь к адекватному пониманию механизмов преступления, мешает своевременному обращению за помощью, усиливает стыд жертвы и, следовательно, объективно работает в интересах преступной среды. Необходимо вести не истерический, а предельно трезвый, доказательный и бескомпромиссный разговор о структурных условиях распространения цифрового мошенничества. Такой разговор должен включать анализ рекламной инфраструктуры, через которую продвигаются псевдофинансовые предложения; исследование языковых и визуальных приемов имитации законности; изучение алгоритмов персонального воздействия; оценку роли посредников, предоставляющих каналы массового охвата; а также разработку прозрачных и обязательных стандартов проверки сведений о финансовых продуктах, распространяемых в цифровой среде. Иначе говоря, общество обязано перестать видеть в каждом эпизоде лишь частную трагедию и начать распознавать в этих эпизодах проявление единого криминального порядка.

Не менее важным является и правовой вывод, который следует из накопленного массива эмпирических наблюдений: иллюзия легкой возвратимости похищенных средств принадлежит к числу самых опасных заблуждений, сопутствующих цифровому мошенничеству. На практике возврат нередко оказывается чрезвычайно затрудненным вследствие многоступенчатого перемещения средств, использования трансграничных

каналов, подмены следов, дробления сумм, привлечения формально непричастных лиц и стремительного исчезновения цифровых следов. Даже там, где отдельные элементы движения средств поддаются фиксации, это не гарантирует ни установления конечного выгодоприобретателя, ни быстрого процессуального реагирования, ни фактического восстановления имущественного положения потерпевшего. Более того, на этапе после хищения нередко возникает вторичная волна преступного воздействия: жертве предлагают «помощь в возврате», выманивая новые платежи под предлогом юридического сопровождения, специального расследования, ускоренного разблокирования или обязательного предварительного взноса. Тем самым посткриминальная стадия сама становится продолжением первоначального обмана. Отсюда следует принципиальный практический вывод: основная линия защиты проходит не там, где обещают последующее чудесное спасение, а там, где обеспечивается раннее распознавание схемы, немедленное прекращение коммуникации, фиксация всех доступных доказательств, сохранение переписки, платежных сведений, адресов переводов, снимков экранов, а также психологическая поддержка потерпевшего, необходимая для предотвращения дальнейших ошибок, совершаемых в состоянии паники, стыда и отчаяния.

Следовательно, профилактика в данной сфере должна пониматься существенно шире, чем обычное информирование населения о «подозрительных обещаниях высокой доходности». Требуется формирование культуры доказательной настороженности, при которой любое предложение, связанное с вложением средств в цифровые активы, оценивается не по силе эмоционального впечатления, а по совокупности верифицируемых признаков: юридической определенности лица, наличию проверяемой истории деятельности, прозрачности модели получения дохода, возможности независимой проверки заявленных операций, отсутствию давления на срочность решения, отсутствию требований о дополнительных платежах ради вывода средств, а также отсутствию закрытых коммуникационных контуров, в которых вся информация контролируется исключительно инициатором сделки. Необходимо воспитывать не страх перед новыми технологиями как таковыми, а интеллектуальную дисциплину обращения с ними. Речь идет о навыке распознавать манипулятивную речь, о способности замечать искусственно создаваемый дефицит времени, о привычке сверять сведения по независимым источникам, о готовности приостанавливать действия при возникновении хотя бы одного существенного несоответствия. Именно такая дисциплина, а не риторика легкой наживы, является подлинным признаком зрелого отношения к цифровой экономике.

Вместе с тем было бы ошибкой сводить проблему лишь к индивидуальной осторожности. Ни один отдельно взятый пользователь не в состоянии в одиночку компенсировать все системные изъяны среды, в которой

преступники пользуются высокой скоростью коммуникации, рассеянностью внимания, технологической сложностью и юридической фрагментарностью. Поэтому необходима коллективная готовность общества называть происходящее своими именами: не «неудачной инвестицией», когда имело место организованное введение в заблуждение; не «спорной предпринимательской практикой», когда речь идет о преднамеренной инсценировке фиктивной доходности; не «агрессивным продвижением услуг», когда осуществляется целенаправленное психологическое подчинение потерпевшего. Язык описания здесь имеет не второстепенное, а фундаментальное значение. Там, где преступление смягчается эвфемизмами, снижается порог общественного реагирования; там, где манипуляция называется «маркетинговым приемом», а хищение - «риском пользователя», преступная модель получает дополнительную защиту в форме речевой нормализации. Научное и правовое описание должно быть точным, беспощадным к подмене понятий и свободным от риторики, оправдывающей фактическое насилие над доверием.

В конечном счете перед нами не просто новая разновидность имущественного посягательства, вызванная техническим развитием хозяйственного оборота. Перед нами - масштабное наступление на основы человеческой автономии, замаскированное под язык прогресса, прибыли, свободы выбора и финансового самоопределения. Именно поэтому анализ цифрового мошенничества в сфере финансовых активов должен вестись на пересечении криминологии, психологии, социологии доверия, теории коммуникации и правовой науки. Только такое междисциплинарное рассмотрение позволяет увидеть в отдельных эпизодах не случайную цепь бедствий, а воспроизводимую модель подчинения, основанную на эксплуатации надежды, страха, когнитивной перегрузки, стыда и социальной изоляции. Чем дольше общество будет воспринимать подобные хищения как сумму частных несчастий, тем прочнее будет становиться сама преступная индустрия, тем совершеннее - ее средства маскировки, тем глубже - эрозия доверия, без которого невозможны ни экономический обмен, ни правовая устойчивость, ни нормальная общественная жизнь.

Отсюда вытекает и главный итог настоящего исследования: борьба с мошенничеством в сфере цифровых финансовых активов требует не только совершенствования правоприменительной практики, но и нравственной, интеллектуальной и институциональной мобилизации общества. Необходимо защищать не только деньги, но и способность человека не становиться объектом управляемого внушения; не только имущественные интересы, но и достоинство личности; не только безопасность расчетов, но и саму возможность существования в среде, где доверие не превращается в сырье для хищения. Если эта задача не будет осознана во всей ее глубине, преступные сети и далее будут расширять свое влияние, прикрываясь языком новизны и обещанием легкого благополучия. Если же общество

выработает ясный понятийный аппарат, укрепит механизмы раннего предупреждения, откажется от обвинения жертвы и потребует реальной ответственности от всех звеньев цифровой посреднической среды, тогда станет возможным не просто реагирование на отдельные эпизоды, а последовательное ограничение самой социальной почвы, на которой произрастает это преступление. Следовательно, ключевой вывод состоит в том, что современное цифровое мошенничество есть не периферийная аномалия финансового развития, а одна из центральных угроз общественному доверию, правовой устойчивости и человеческой самостоятельности, а потому противодействие ему должно стать делом не частной предосторожности, а общенациональной правовой и культурной стратегии.